

№ 1(6)/2022

ISSN 2782-5647

СПУТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

> Sputnik Vysshey Shkoly
(Higher School Companion)
Journal

Выпуск

Социальные и гуманитарные науки

Social Sciences and Arts

ПРАВОВЕДЕНИЕ | ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ | ФИЛОЛОГИЯ |
КУЛЬТУРОЛОГИЯ | РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ | ФИЛОСОФИЯ |
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ | ИСКУССТВОВЗНАНИЕ | ИСТОРИЯ |
ПЕДАГОГИКА | ПСИХОЛОГИЯ | ЭТНОГРАФИЯ | СОЦИОЛОГИЯ |
ПОЛИТОЛОГИЯ | СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ |

<https://sputnik-nauki.ru>

СПУТНИК ISSN 2782-5647
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

№ 1(6) | 2022

♦ ♦ ♦

выпуск

**Социальные
и гуманитарные
науки**

Social Sciences and Arts

Москва — Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону — Сочи

Тематические выпуски «СВШ»

УСЛОВНАЯ ИНДЕКСАЦИЯ АВТОРОВ ПО СТАТУСУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ:

молодой ученый, занимающийся разработкой отдельных аспектов какой-либо научной проблемы под руководством наставника или самостоятельно, имеет опыт исследовательской деятельности на уровне вуза, участвует в региональных научных конференциях;

представитель отдельного научного направления (научной школы), имеет ученую степень (звание), систематически участвует в межрегиональных научных форумах, располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

независимый исследователь или исследователь-практик, совмещающий научную и/или педагогическую деятельность с работой по основной профессии; располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

лидер региональной научной школы; развивает собственное научное направление; является признанным авторитетом в научном сообществе; располагает значительным количеством публикаций по исследуемой проблематике.

Редакционный совет

БОЙКО Александр Иванович,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления — филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХиГС),
доктор юридических наук, профессор (сопредседатель редакционного совета)

•••

БОНДАРЬ Николай Семенович,
судья Конституционного Суда РФ (2000–2020), главный научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства
Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
(сопредседатель редакционного совета)

•••

АНТИПОВА Елена Павловна,
доцент кафедры административного и финансового права Сочинского филиала
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук

•••

АРЕФИНКИНА Екатерина Геральдовна,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса Сочинского института (филиала)
Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук

•••

ГУНИНА Елена Николаевна,
доцент кафедры управления развитием пространственно-экономических систем
Южного федерального университета, кандидат экономических наук

•••

ИОНОВА Зинаида Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургской юридической академии, кандидат исторических наук

•••

ЛАЗАРЕВ Владимир Александрович,
профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике
Южного федерального университета, доктор филологических наук

МАЛИНЕНКО Эльвира Владимировна,

доцент кафедры конституционного и муниципального права
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХиГС),
кандидат юридических наук, доцент

•••

МЕДВЕДСКАЯ Татьяна Константиновна,
доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
Донского государственного технического университета, кандидат экономических наук

•••

НИКОЛАЕВ Сергей Георгиевич,
заведующий кафедрой английской филологии Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор

•••

РАТЬКОВ Александр Николаевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Сочинского филиала
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент

•••

СМЕЮХА Виктория Вячеславовна,
профессор кафедры теории и практики массовой коммуникации
Южного федерального университета, доктор филологических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СОВРЕМЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

- Соболева Е. А.** Особенности судебного нормоконтроля в сфере регионального законодательства 6
- Филимонова Е. А.** Финансовые ресурсы муниципального образования — гарант муниципальных услуг 16

ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Фролов В. В.** Институт антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в России на современном этапе: ответы на новые вызовы 24
- Микулина Е. В.** Конституционно-правовая защита прав и свобод человека и гражданина в условиях формирующегося цифрового общества 35
- Павлова Е. С.** *Научный руководитель: Димитрова Е. А.* Правовая экспертиза как средство повышения качества законодательства 42

ЛИНГВИСТИКА, ФИЛОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

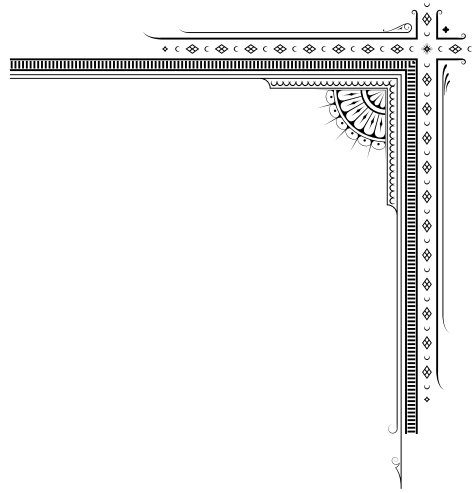
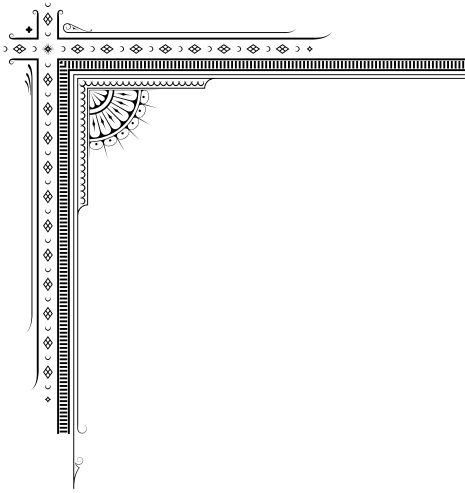
- Моргунова М. Н.** Proper Names in Modern Business English Vocabulary 48
- Винник Е. И., Хнаева В. А.** Гендерная специфика речевой реализации эмоций в образовательном коммуникативном пространстве (на материале современной англоязычной биографической прозы) 55

ПРИКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

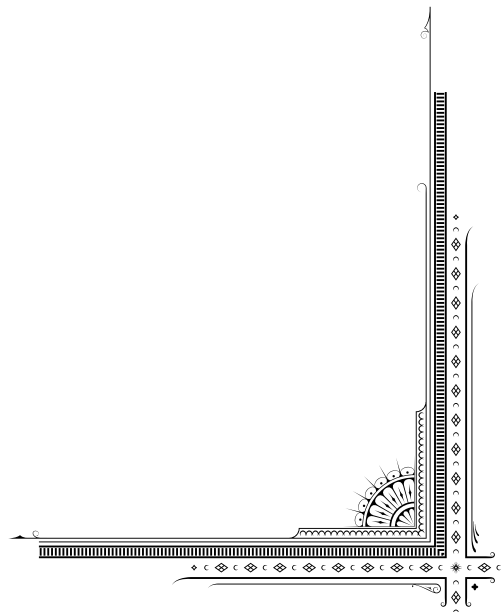
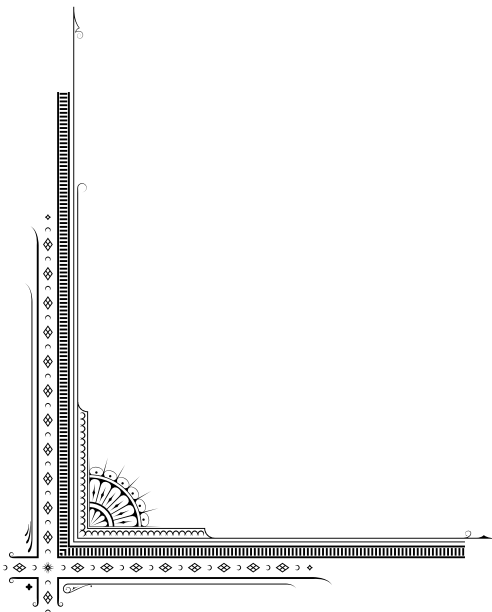
- Клименко И. В., Сячина Е. Б., Сергиенко Р. И.** О некоторых противоречиях в нормативном регулировании органами государственной власти деятельности судебных экспертов при рассмотрении дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости 66

Редакция журнала «Спутник высшей школы» ведет прием авторских материалов в выпуски: «Прикладная и фундаментальная экономика», «Современное право: проблемы и тенденции», «Социальные и гуманитарные науки», «Современный конституционализм: теория и практика». Максимальный срок рассмотрения авторских текстовых оригиналов — 30 календарных дней. Статьи, не требующие литературной и редакторской обработки, проходят рецензирование и размещаются на бесплатной основе. Подробная информация — см. <https://sputnik-nauki.ru>.

Секция
**«СОВРЕМЕННЫЙ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ»**

УДК 342

Соболева Е. А.,

*старший преподаватель кафедры конституционного
и административного права НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург),
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала ФГОУВО «РГУП», к. ю. н.,
г. Санкт-Петербург, Россия*

© 2022

*Дата приема:
10.11.2021*

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье анализируются особенности юридической природы законов субъектов Российской Федерации, и на этой основе предлагается авторское понимание обоснованных форм судебного нормоконтроля в сфере регионального законодательства с точки зрения соотношения конституционного и административного нормоконтроля. Выделяется такой вид, как конституционно-уставное законодательство, в рамках которого представляется необходимым учитывать особенности двух групп региональных законов. Во-первых, это конституции и уставы субъектов РФ, обладающие учредительной природой и другими юридическими свойствами основных законов субъектов РФ, что позволило Конституционному Суду РФ выработать правовую позицию о необходимости учитывать их специфику как предмет исключительно конституционного судебного нормоконтроля, недопустимость осуществления административного нормоконтроля по отношению к ним. Во-вторых, это иные, напрямую примыкающие к конституциям (уставам) субъектов РФ акты конституционно-уставного законодательства, которые имеют прямые генетические связи с федеральной конституционной системой, и, стало быть, их проверка приобретает конституционное значение. В соответствии с особенностями материального содержания данных отношений и соответствующих им региональных (конституционно-уставных) законов обосновывается необходимость их отнесения (наряду с конституциями и уставами субъектов РФ) к исключительно предмету федерального конституционного нормоконтроля.

Ключевые слова: Конституция РФ; Конституционный Суд РФ; административный нормоконтроль; конституционный нормоконтроль; законы субъектов РФ; конституции (уставы) субъектов РФ; акты конституционно-уставного законодательства.

Федеративная природа российской государственности предопределяет особенности реализации нормоконтрольных полномочий в отношении законов субъектов Российской Федерации. Речь идет, прежде всего,

о разграничении административных форм нормоконтрольных функций, осуществляемых судами общей юрисдикции, с конституционным нормоконтролем. Реализованная на федеральном уровне модель сильного конституционного правосудия, с одной стороны, и очевидные проблемы, связанные с функционированием и перспективами развития региональной конституционной юстиции, с другой стороны¹, свидетельствуют о необходимости специальных исследований по осуществлению нормоконтроля за законодательными актами субъектов РФ. Это особенно касается региональных законов, обладающих повышенной, особой юридической силой.

Конституция РФ, определяя конституционно-правовой статус субъектов РФ, проводит разделение источников права регионального уровня, в частности обособление конституций и уставов субъектов РФ в системе законодательства (ч. 2 ст. 5, ч. 1 и 2 ст. 66, п. «а» ч. 1 ст. 72). Тем самым обеспечивается единство конституционного законодательства России, основанного на принципах верховенства федерального права и предполагающего, что конституции и уставы субъектов РФ принимаются в соответствии с Конституцией РФ и учитывают специфику региональных общественных отношений.

Не акцентируя внимание на особенностях нормоконтроля в отношении учредительных актов субъектов РФ и возникающих в связи с этим различных проблем², тем не менее, возникает вопрос о юридической природе учредительных актов субъектов РФ, их схожести и индивидуальности в соотношении с иными законодательными актами субъектов РФ. На наш взгляд, это имеет важное значение для осмысления проблемы судебного нормоконтроля в сфере регионального законодательства и, в частности, для разграничения административного и конституционного нормоконтроля в данной сфере³.

Сегодня проблемы, связанные с определением соотношения административного и конституционного нормоконтроля, вызывают интерес многих авторов. Так, например, формулируются предложения о наделении судов общей юрисдикции правом осуществления административно-судебного нормоконтроля на соответствие Основному закону Российской Федерации некоторых актов. В отдельных работах высказывается точка зрения, что лишение судов общей юрисдикции возможности осуществлять проверку правового акта на соответствие конституционным принципам вредит реализации принципа прямого действия Конституции, становлению правового государства, а также развитию административно-судебного нормоконтроля, поскольку нормоконтроль не может сводиться к сопоставлению текстов нормативных правовых актов⁴. Однако Конституционный Суд

¹ См. об этом: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., Норма, 2016. С. 112–113, 504–508.

² См.: Демин А. П. Проблемы приведения конституций и уставов субъектов РФ в соответствие с Конституцией РФ // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 44–47.

³ См. об этом: Бондарь Н. С., Соболева Е. А. Региональные институты публичной власти как предмет нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда РФ // Проблемы права. Международный журнал. 2018. № 3. С. 18.

⁴ Казанцев А. О. Конституционный нормоконтроль и административно-судебный нормоконтроль: равнительный анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1. С. 34–44.

Российской Федерации (далее — КС РФ) в своей практике обращал внимание на тот факт, что выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может выступать только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции. Такое взаимодействие судов должно строиться с учетом разграничения их компетенции, предполагающего, с одной стороны, реализацию судом общей юрисдикции правомочия поставить вопрос о конституционности соответствующих норм перед КС РФ, а с другой — обязанность КС РФ окончательно разрешить этот вопрос (абзац второй пункта 3.2 мотивировочной части Постановления КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П). В этом плане на особый процессуальный характер взаимоотношений судов общей юрисдикции и КС РФ, в частности в рамках реализации института судебного запроса в КС РФ, когда важное значение приобретает не только сама по себе нормоконтрольная функция, но и необходимость дать суду общей юрисдикции конкретный ответ по поводу того, как должно быть разрешено в связи с этим конкретное (приостановленное в суде общей юрисдикции) дело, обращено внимание в мнении судьи КС РФ по одному из таких дел¹.

Представляется необходимым обратить внимание на то, что законы субъектов РФ, отнесенные в том числе к объектам административной юрисдикции, не являются актами административной власти. Будучи выражением региональной законодательной власти и обладая высшей юридической силой (на территории соответствующих субъектов РФ), региональные законы имеют в этом качестве генетические связи с федеральной конституционной системой и их проверка не только на соответствие Конституции РФ, но и федеральным законам (как и конституции, уставу субъекта РФ) неизбежно приобретает конституционное значение.

Обращаясь к анализу рассматриваемой проблемы, следует прежде всего отметить, что обособление в Конституции РФ конституирующих актов субъектов РФ не предвещает невозможность их родовой характеристики в качестве закона. Называя конституции и уставы субъектов РФ наряду с законами субъектов РФ, Конституция РФ вместе с тем содержит положения обобщающего характера, в рамках которых термином «закон» описываются все акты регионального законодательства, начиная от собственно закона субъекта РФ и выше по уровню юридической силы². Так, из ст. 71, 72 и 73 Конституции РФ следует, что принятие конституции (устава) субъекта РФ относится к исключительной компетенции субъекта РФ; ч. 4 ст. 76 Конституции РФ специальным образом не оговаривает роль конституций (уставов) в рамках собственного правового регулирования субъектов РФ вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения — используется формула «законы и иные нормативные правовые акты»; аналогичная конструкция содержится в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с которой

¹ См.: Мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря к Постановлению КС РФ от 19 февраля 2018 года № 9-П по делу о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Промышленного районного суда города Смоленска // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1436.

² См.: Ульхин В. С. Является ли конституция (устав) субъекта Российской Федерации законом? // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 10.

законы и иные нормативные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ.

Рассматривая конституционно-уставное законодательство субъектов как предмет судебного нормоконтроля, представляется необходимым учитывать особенности двух групп такого рода региональных законов.

Это, во-первых, конституции и уставы субъектов РФ. Являясь особым видом региональных законов и обладая определенными формально-юридическими характеристиками родовой принадлежности к законам субъектов РФ, они имеют свою специфику, проистекающую главным образом из особенностей их функционального назначения, предопределяемого Конституцией РФ.

В силу положений ст. 2, ч. 2 ст. 5, ч. 1 и 2 ст. 66, ст. 72 и 73, ч. 2 и 4 ст. 76 и ч. 1 ст. 77 Конституции РФ, конституции и уставы субъектов РФ обеспечивают в непосредственной системно-нормативной взаимосвязи с Конституцией РФ институционализацию правового статуса субъектов РФ, их властно-управленческое и территориальное устройство. На основе принципа разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами функционируют компетенционные характеристики региональной государственной власти, призванной создавать условия для наиболее полной реализации и гарантирования конституционных прав и свобод человека и гражданина на территории соответствующих субъектов РФ.

Обращаясь к сущностным аспектам конституирующих актов субъектов РФ, следует учитывать, что в отличие от Конституции РФ, формально-юридическая и социальная сущность которой состоит в том, что она является правовым актом высшей юридической силы и прямого действия, выступающим порождением, отражением и универсальным средством разрешения социальных противоречий¹, конституции и уставы субъектов РФ сами по себе служат одним из существенно важных, предусмотренных Конституцией РФ правовых инструментов (средств) выявления социальных интересов в их коллизионных взаимосвязях, проявляющихся на региональном уровне. Это означает, что они носят производно-инструментальный характер, что, впрочем, не отменяет их социально-политического значения.

Особенности юридической природы конституций и уставов субъектов РФ, их учредительный характер, правовое значение предопределяют и специфику данных актов как объекта судебного нормоконтроля. Соответствующий вопрос являлся предметом специального рассмотрения в КС РФ, в том числе с точки зрения допустимых форм, способов судебного нормоконтроля². Так, КС РФ были сформулированы существенные подходы, касающиеся особенностей юридической природы конституций (уставов) субъектов.

Понимание особенностей юридической природы конституций и уставов субъектов РФ, их учредительного характера, особой связи с федеральной Конституцией как критерия определения их принадлежности к объектам конституционно-судебного нормоконтроля позволяет ставить вопрос о специ-

¹ См.: Бондарь Н. С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурно-го явления (к 20-летию юбилею) // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 15.

² См.: Постановление КС РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3101.

фике судебного нормоконтроля в отношении конституционно-уставного законодательства как такового.

Во-вторых, это акты конституционно-уставного законодательства. Природа, виды таких актов вызывают наибольшую сложность как в теории, так и в практике регионального законодательства. Не менее важным является вопрос о способах осуществления нормоконтроля за ними. Более того, именно особенностями юридической природы законов субъектов РФ предопределяется решение проблемы о разграничении судебно-нормоконтрольных полномочий: административного или конституционного нормоконтроля за соответствующими актами.

Отмечая широкую вариативность существующих подходов, в том числе связанных с возможностью выделения конституционного (уставного) законодательства субъектов РФ¹, вряд ли есть основания ставить под сомнение тот факт, что конституционно-уставное регулирование играет системообразующую роль в отраслевой структуре регионального законодательства. Поскольку индивидуальность и даже уникальность конституционного статуса конкретного субъекта РФ связана в основном с его институциональным (территория, наименование, символы и т. д.) и динамическим (предметы ведения, полномочия) компонентами², конституционное законодательство субъекта РФ выстраивается главным образом вокруг этих моментов, что не исключает его участия в регулировании юрисдикционного (определяющего подконтрольность деятельности субъекта РФ и ответственность) и обеспечивающего (гарантии, защита прав во всех видах правоотношений) компонентов такого статуса.

Конституционно-уставное законодательство субъектов РФ можно определить как составную часть единого конституционного законодательства Российской Федерации, являющуюся нормативной основой регионального законодательства. При этом само по себе понятие конституционно-уставного законодательства субъектов РФ может раскрываться двояко. С одной стороны, оно включает в себя разработку, принятие и внесение изменений в конституции, уставы субъектов РФ. Речь идет о конституционных и уставных поправках, а также о принятии новой конституции, устава. С другой стороны, в широком смысле оно охватывает собой разработку, принятие и внесение изменений в законы субъектов РФ, которыми — наряду с Конституцией РФ и федеральными законами — определяется конституционный статус субъектов РФ.

Конституционно-уставное законодательство субъектов РФ должно рассматриваться как вбирающее в себя не любые региональные законы, связанные с регламентацией конституционных отношений, а только некоторые из них, отвечающие следующим признакам:

1) наличие норм учредительного (конституирующего) характера, в том числе применительно к текущим федеральным законам и законам субъектов РФ, и,

¹ См., например: Авакьян С. А. Конституционное законодательство субъектов РФ: проблемы совершенствования и использования в преподавании // Конституционное законодательство субъектов РФ: проблемы совершенствования и использования в преподавании/отв. ред. С. А. Авакьян. М., 1999. С. 11; Конституционное (уставное) право субъектов РФ: учеб. пособие для вузов / В. А. Кочев; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2011.

² См.: Ларичев А. А. Конституционно-правовой статус Республики Карелия: становление и современные особенности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Петрозаводск, 2008. С. 7.

соответственно, принятие, как правило, на основе прямого указания в конституции и уставе субъекта РФ;

2) предметная ориентация на регулирование жизненно важных, принципиальных для субъекта РФ вопросов его статуса с учетом исторических традиций, региональных условий и особенностей;

3) наличие повышенной юридической силы в соотношении с иными законами;

4) усложненный порядок принятия, изменения, отмены¹.

Существует и другой подход, согласно которому к конституционному (уставному) законодательству субъектов РФ следует относить, в том числе, текущие законы конституционно-правового содержания². На наш взгляд, необходимо подчеркнуть, что не все конституционные отношения, складывающиеся на региональном уровне, связаны с конституционным статусом субъектов РФ, и не все они связаны учредительной волей населения субъектов РФ. Содержащие конституционно-правовые нормы текущие законы субъектов РФ могут выступать (и во многих случаях выступают) в качестве необходимого обеспечительного инструмента, т. е. они обеспечивают порядок, условия реализации федеральных конституционных норм применительно к институтам федерального конституционного права. В связи с этим отнесение к конституционно-уставному законодательству текущих региональных законов, содержащих нормы конституционного права, приводило бы к размыванию данного понятия как самостоятельной конституционной категории.

Соответствующие подходы к пониманию конституционно-уставного законодательства получили отражение в конституционной практике субъектов РФ. Нормативное обособление конституционно-уставного законодательства обеспечивается в десяти субъектах РФ (Республика Алтай, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия — Алания, Республика Тыва, Республика Хакасия, Чеченская Республика, Красноярский край, Калининградская область). При этом в Конституции Республики Ингушетия (ч. 3 ст. 82), Конституции (Основном законе) Республики Саха (Якутия) (ч. 4 ст. 62), Конституции Чеченской Республики (ч. 1 ст. 89) и Уставе (Основном законе) Калининградской области (ч. 1 ст. 44) прямо предусмотрено, что конституционные, уставные законы принимаются по вопросам, предусмотренным, соответственно, конституцией, уставом. В учредительных актах других субъектов РФ при отсутствии подобной формулировки содержатся казуальные отсылки к конституционным (уставным) законам в связи с необходимостью урегулирования в них конкретных вопросов конституционно-уставного значения (например, ст. 92, 144, 149 Конституции Республики Алтай; ч. 3 ст. 61, ч. 2 ст. 77, ч. 1 ст. 78.1, п. 1 ч. 1 ст. 79, ч. 5 ст. 80, ст. 84, ч. 2 ст. 90, ч. 11 ст. 101.1 Конституции Республики Северная Осетия-Алания).

¹ См.: Аничкин Е. С. Конституционное законодательство Российской Федерации: причины, типология случаев и пределы неоднородности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 13.

² См.: Сафина С. Б. Конституционное законодательство республики в составе Российской Федерации как основа системы республиканского законодательства // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3. С. 52.

Есть и иные подходы регионального законодателя к решению данной проблемы. Так, в ч. 2 ст. 135 Устава Красноярского края предусмотрено принятие законов края «особой категории», на которую «указывается в официальном наименовании данных законов», — это законы, вносящие изменения и дополнения в Устав, а также уставные законы, регулирующие основные статусные характеристики субъекта РФ — Красноярского края. В Республике Ингушетия законы о поправках к Конституции также выделены в отдельную категорию¹, а в Карачаево-Черкесской Республике (ст. 2 Закона Карачаево-Черкесской Республики «О нормативных правовых актах Карачаево-Черкесской Республики»)² и Республике Хакасия (ст. 133 Конституции Республики Хакасия) конституционные законы принимаются только по вопросам внесения поправок в конституцию.

С учетом самой природы конституционно-уставного законодательства субъектов РФ, как представляется, оно должно структурно включать в себя три обособленных вида источников регионального права:

- 1) конституции и уставы субъектов РФ;
- 2) законы субъектов РФ о поправках к конституции, уставу субъекта РФ;
- 3) конституционные и уставные законы.

При этом данный подход должен распространяться в одинаковой мере как на республики, так и на области (края) в соответствии с присущими российской федеративной конституционно-правовой системе началами симметрии между ее территориальными уровнями и принципом равенства субъектов РФ.

Представляется, что само выделение конституционно-уставного законодательства должно обеспечиваться не по формально-видовым признакам, субъектной принадлежности, а прежде всего по материальному содержанию, предмету правового регулирования, как относящемуся к сфере конституционного (регионально-конституционного) права. При всем многообразии дискуссионных подходов к пониманию сущностных аспектов, наполнения конституционного статуса субъектов РФ, следует признать, что в основе конституционно-статусных характеристик субъектов РФ, получающих отражение в конституционно-уставном законодательстве, лежат триединые начала данных государственно-региональных образований, а именно: «население — территория — власть». Из этих начал вытекает система конституционно-уставных институтов субъектов РФ, в которую входят институты организации публичной (государственной и муниципальной) власти субъектов РФ; институты территориальной организации субъектов РФ (административно-территориальное деление, а также территориальная организация муниципальных образований); институты защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения правопорядка на территории субъекта РФ.

Все это имеет важное значение в контексте осмысления судебного нормоконтроля в сфере регионального законодательства. Региональные акты конституционно-уставного законодательства, в особенности конституционные и устав-

¹ См.: Закон Республики Ингушетия от 24 ноября 1997 г. № 16-РЗ (в ред. от 3 октября 2011 г.) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Республики Ингушетия» // Ингушетия. 1997. 11 декабря.

² См.: Закон Карачаево-Черкесской Республики от 2 декабря 2002 г. № 48-РЗ (в ред. от 22 февраля 2017 г.) «О нормативных правовых актах Карачаево-Черкесской Республики» // День Республики. 2002. 10 декабря.

ные законы субъектов РФ не могут рассматриваться как объект административной юрисдикции и подлежат нормоконтролю в порядке конституционного правосудия. Сама природа соответствующих актов такова, что они могут (и должны) быть предметом исключительно конституционного судебного нормоконтроля, так как все они носят ярко выраженный конституционно-уставный характер, имеют регионально-конституционное значение.

Таким образом, постановка соответствующих вопросов требует дальнейших исследований в части разграничения компетенционных полномочий в сфере административного и конституционного нормоконтроля за законами субъектов Федерации, учитывая, в частности, различный уровень юридической силы таких законов.

С учетом конституционных поправок 2020 года можно предположить, что намечена тенденция некоторого расширения компетенционных полномочий КС РФ в сфере регионального законодательства. В связи с этим представляется необходимым внесение в федеральное законодательство изменений, направленных на обособление конституционно-уставного законодательства субъектов РФ, и прежде всего в части выделения в качестве самостоятельной видовой категории источников регионального права конституционных и уставных законов субъектов РФ с указанием конкретного перечня вопросов, которые подлежат урегулированию субъектами РФ в такой форме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С. А. Конституционное законодательство субъектов РФ: проблемы совершенствования и использования в преподавании // Конституционное законодательство субъектов РФ: проблемы совершенствования и использования в преподавании/отв. ред. С. А. Авакьян. М., 1999. С. 11.
2. Аничкин Е. С. Конституционное законодательство Российской Федерации: причины, типология случаев и пределы неоднородности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 13.
3. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика / 2-е изд., перераб. М., Норма, 2016. 526 с.
4. Бондарь Н. С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (к 20-летию юбилею) // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 15.
5. Бондарь Н. С., Соболева Е. А. Региональные институты публичной власти как предмет нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда РФ // Проблемы права. Международный журнал. 2018. № 3. С. 18.
6. Демин А. П. Проблемы приведения конституций и уставов субъектов РФ в соответствие с Конституцией РФ // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 44–47.
7. Казанцев А. О. Конституционный нормоконтроль и административно-судебный нормоконтроль: равнительный анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1. С. 34–44.
8. Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. проф. В. А. Кряжков. М.: Городец-издат, 2002. 864 с.

9. Конституционное (уставное) право субъектов РФ: учеб. пособие для вузов / В. А. Кочев; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2011. 270 с.
10. Ларичев А. А. Конституционно-правовой статус Республики Карелия: становление и современные особенности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Петрозаводск, 2008. С. 7.
11. Сафина С. Б. Конституционное законодательство республики в составе Российской Федерации как основа системы республиканского законодательства // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3. С. 52.
12. Ульхин В. С. Является ли конституция (устав) субъекта Российской Федерации законом? // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 10.

REFERENCES

1. Avak`yan S. A. Konstitucionnoe zakonodatel`stvo sub`ektov RF: problemy` sovershenstvovaniya i ispol`zovaniya v prepodavanii // Konstitucionnoe zakonodatel`stvo sub`ektov RF: problemy` sovershenstvovaniya i ispol`zovaniya v prepodavanii / otv. red. S. A. Avak`yan. M., 1999. S. 11.
2. Anichkin E. S. Konstitucionnoe zakonodatel`stvo Rossijskoj Federacii: prichiny`, tipologiya sluchaev i predely` neodnorodnosti: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Tyumen`, 2003. S. 13.
3. Bondar` N. S. Sudebny`j konstitucionalizm: doktrina i praktika / 2-e izd., pererab. M., Norma, 2016. 526 s.
4. Bondar` N. S. Cennost` Konstitucii Rossii kak juridicheskogo akta i sociokul`turnogo yavleniya (k 20-letnemu yubileyu) // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2013. № 6. S. 15.
5. Bondar` N. S., Soboleva E. A. Regional`ny`e instituty` publichnoj vlasti kak predmet normokontrol`noj deyatel`nosti Konstitucionnogo Suda RF // Problemy` prava. Mezhdunarodny`j zhurnal. 2018. № 3. S. 18.
6. Demin A. P. Problemy` privedeniya konstitucij i ustavov sub`ektov RF v sootvetstvie s Konstituciej RF // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 5. S. 44–47.
7. Kazancev A. O. Konstitucionny`j normokontrol` i administrativno-sudebny`j normokontrol`: ravnitel`ny`j analiz // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2019. № 1. S. 34–44.
8. Konstitucionnoe pravo sub`ektov Rossijskoj Federacii / otv. red. prof. V. A. Kryazhkov. M.: Gorodecz-izdat, 2002. 864 s.
9. Konstitucionnoe (ustavnoe) pravo sub`ektov RF: ucheb. posobie dlya vuzov / V. A. Kochev; Perm. gos. nacz. issl. un-t. Perm`, 2011. 270 s.
10. Larichev A. A. Konstitucionno-pravovoj status Respubliki Kareliya: stanovlenie i sovremenny`e osobennosti: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Petrozavodsk, 2008. S. 7.
11. Safina S. B. Konstitucionnoe zakonodatel`stvo respubliki v sostave Rossijskoj Federacii kak osnova sistemy` respublikanskogo zakonodatel`stva // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2014. № 3. S. 52.
12. Ul`xin V. S. Yavlyaetsya li konstituciya (ustav) sub`ekta Rossijskoj Federacii zakonom? // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2016. № 10.

Soboleva E. A.,
Candidate of Laws, Senior Teacher, National Research University "Higher School of Economics"
(St. Petersburg), Assistant Prof. at State-Legal Disciplines Department,
Russian State University of Justice, North-West Branch, St. Petersburg, Russia

PECULIARITIES OF JUDICIAL COMPLIANCE CHECK IN LOCAL LAW

The article analyzes peculiarities of the legal nature of the law systems in the territorial entities of Russia; on this basis the author proposes an original conception of reasonable types of judicial compliance check in local law with regard to the correlation between constitutional and administrative compliance check. Constitutional and canonical legislation is singled out as a separate type in whose framework peculiarities of two groups of local laws have to be taken into account. Firstly, there are Constitutions and Regulations of the territorial entities of Russia of constitutive nature and other legal features of the fundamental laws of the territorial entities of Russia, which fact enabled the Constitutional Court of Russia to develop a legal philosophy on the necessity to have regard to their specificity as a subject of a solely constitutional court compliance check, impermissibility of an administrative compliance check to them. Secondly, these are other, explicitly referred to Constitutions and Regulations of the territorial entities of Russia, acts of constitutional and canonical legislation, which have direct genetic links with the federal constitutional system; hence their check assumes constitutional importance. In accordance with the peculiarities of the material content of the above relations and related to them local (constitutional and canonical) laws, justified is a necessity of their reference (alongside Constitutions and Regulations of the territorial entities of Russia) to the exclusive subject of the federal constitutional compliance check.

Key words: Constitution of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; administrative compliance check; constitutional compliance check; laws of the territorial entities of Russia; constitutions (regulations) of the territorial entities of Russia; acts of constitutional and canonical legislation.

УДК 342.553

Филимонова Е. А.,

*доцент кафедры муниципального права и природоохранного
законодательства юридического факультета*

*Южного федерального университета, к. ю. н.,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

© 2022

*Дата приема:
30.12.2021*

ФИНАНСОВЫЕ РЕСУРСЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ — ГАРАНТ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Для обеспечения условий комфортного проживания граждан на территории муниципального образования и предоставления им доступных и качественных муниципальных услуг органы местного самоуправления должны обладать необходимыми финансовыми ресурсами. В представленной статье автором уделено внимание источникам наполняемости местных бюджетов, в которых сосредоточена наиболее существенная доля финансовых ресурсов муниципальных образований.

Ключевые слова: *муниципальные услуги; финансовые ресурсы; местный бюджет.*

Решение вопросов, непосредственно связанных с основными жизненными потребностями граждан по месту жительства, в сфере образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства и т. д., может быть реализовано органами местного самоуправления лишь при наличии у них финансовых ресурсов [7, с. 115–116]. Финансовые ресурсы необходимы органам местного самоуправления для обеспечения выполнения функций муниципальных учреждений социально-управленческого характера, основным направлением деятельности которых является предоставление населению муниципальных услуг [8, с. 7–12].

Решение вопросов местного значения, определяющим образом влияющих на каталог муниципальных услуг в муниципальном образовании, осуществляется за счет имущества, находящегося в муниципальной собственности, средств местных бюджетов и имущественных прав муниципальных образований [6].

Гарантии финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления закреплены в Европейской хартии местного самоуправления 1985 года, в соответствии с которой «органы местного самоуправления имеют право на обладание достаточными собственными финансовыми ресурсами, на свободу распоряжения ими при реализации своих полномочий. Принципиально важно, чтобы финансовые ресурсы органов местного самоуправления были соразмерны полномочиям, предоставленным им конституцией или законом».

Такой подход соотносится с конституционными положениями о самостоятельности органов местного самоуправления, в том числе в пределах предоставленных им финансовых полномочий (ст. 132 Конституции РФ): органы местного само-

управления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы.

Эти конституционно-правовые требования были конкретизированы в бюджетном законодательстве, определяющем в качестве самостоятельного уровня бюджетной системы РФ местные бюджеты. Именно в местных бюджетах сосредоточена наиболее существенная доля финансовых ресурсов муниципальных образований.

Местный бюджет и местные налоги и сборы — это те важные институты финансового обеспечения, которые жизненно необходимы органам местного самоуправления для выполнения стоящих перед ними задач. Каждое муниципальное образование должно иметь собственный бюджет. Это базовый принцип, обеспечивающий финансовую самостоятельность муниципальных образований.

Основополагающие конституционные характеристики местного бюджета были определены Конституционным Судом РФ в своих решениях. Согласно его правовым позициям «бюджет каждого территориального уровня как инструмент реализации финансовой политики государства служит для распределения и перераспределения финансовых ресурсов на определенной территории, посредством чего происходит финансовое обеспечение публичных функций, а сами бюджетные отношения выступают в таком случае существенным элементом социально-экономического развития государства и муниципальных образований. При этом бюджет субъекта РФ или местный бюджет не существуют изолированно — они являются составной частью бюджетной системы РФ. Недостаточность собственных доходных источников на уровне субъектов РФ или муниципальных образований влечет необходимость осуществлять бюджетное регулирование в целях сбалансированности соответствующих бюджетов, что, в частности, обеспечивается посредством оказания финансовой помощи бюджетам субъектов РФ, местным бюджетам в форме предоставления дотаций на выравнивание уровня минимальной бюджетной обеспеченности...» [10].

В таких условиях становится принципиально важным обеспечить баланс конституционных ценностей, получающих воплощение в гарантированности принципа финансовой самостоятельности муниципальных образований, с одной стороны, и выравнивании уровня их социально-экономического развития, в том числе путем справедливого перераспределения публичных финансов, включая бюджетные средства, с целью выравнивания уровня минимальной бюджетной обеспеченности муниципальных образований, — с другой. Выравнивание уровня минимальной бюджетной обеспеченности и в конечном счете социально-экономического развития муниципальных образований — часть общей государственной политики, направленной на реализацию конституционного принципа социального государства (ст. 7 Конституции РФ) [9]. Это соответствует также требованиям Европейской хартии местного самоуправления, устанавливающей, что «защита более слабых в финансовом отношении органов местного самоуправления требует ввода процедур финансового выравнивания или эквивалентных мер, направленных на корректировку последствий неравномерного распределения возможных источников финансирования, а также лежащих на этих органах расходов (п. 5 ст. 9)».

Выравнивание бюджетной обеспеченности связано в итоге с обеспечением социально-территориального равноправия. Как отмечает Н. С. Бондарь, «на обще-

федеральном уровне социально-территориальное равноправие проявляется как императив единства конституционно-правового статуса человека и гражданина на всей территории РФ, возлагающий на Российскую Федерацию обязанность по формированию правовых, организационных и финансово-экономических основ равенства граждан независимо от места жительства» [2].

Поскольку многие социально-экономические права граждан (в сфере здравоохранения, образования, культуры и т. д.) реализуются через предоставление муниципальных услуг населению, в субъектах РФ и муниципальных образованиях с низким уровнем бюджетной обеспеченности предоставление подобных услуг объективно находится на более низком уровне из-за системного недостатка финансирования, что влечет ущемление прав проживающих в них граждан [13, с. 36]. В таких условиях особенно важно обеспечить органы местного самоуправления достаточными финансовыми ресурсами.

На сегодняшний день наполняемость местных бюджетов осуществляется за счет поступлений от местных и иных налогов, неналоговых доходов, в частности средств от использования муниципальной собственности, средств самообложения граждан, безвозмездных поступлений, в том числе межбюджетных трансфертов. По данным результатов ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации (за 2019 год и первое полугодие 2020 года) [5, с. 37], размеры доходной части местных бюджетов варьируются от нескольких сотен тысяч рублей в малочисленных поселениях до нескольких десятков миллиардов в городских округах — центрах агломераций, а также городских округах — центрах промышленно-добывающих регионов. Так, доходная часть бюджета городского округа Новосибирск за 2019 год составила 49 млрд руб., бюджета городского округа Екатеринбург — 48 млрд руб., бюджета городского округа Сургут — 31 млрд руб. Вместе с тем доходная часть бюджетов 12 тыс. муниципалитетов (что составляет 55,6% от числа муниципалитетов — участников бюджетного процесса) в 2019 финансовом году не превысила 10 млн рублей, а у 244 муниципалитетов (1,1%) составила не более 1 млн руб.

Исчерпывающий характер перечня местных налогов и сборов установлен ст. 15 Налогового кодекса РФ, в соответствии с которой к местным налогам и сборам относятся земельный налог, налог на имущество физических лиц, торговый сбор. Решение о введении или о прекращении действия местных налогов и сборов на территории муниципального образования принимает представительный орган местного самоуправления в соответствии с требованиями Налогового кодекса РФ. Поэтому момент их введения может отличаться во времени с их установлением федеральным законом.

Самостоятельность органов местного самоуправления в этой сфере заключается в том, что они не только вводят, но и организуют взимание местных налогов и сборов. Полученные денежные средства зачисляются в местные бюджеты по месту поступления. Органы местного самоуправления самостоятельно используют соответствующие средства и осуществляют контроль за их использованием. Представительные органы муниципального образования вправе устанавливать дополнительные льготы для отдельных категорий налогоплательщиков, изменять ставки некоторых платежей в сторону их понижения, конкретизировать порядок уплаты местных налогов и сборов.

Конституционная природа местных налогов и сборов характеризуется сочетанием фискального характера и отчетливо выраженными социально направленными характеристиками названных платежей. Это позволяет более полно и последовательно учитывать потребности и интересы местного населения на уровне муниципальных бюджетных отношений [10].

Наряду с налоговыми и неналоговыми доходами значительную часть доходов местных бюджетов составляют межбюджетные трансферты из бюджетов бюджетной системы РФ, которые предоставляются в форме дотаций, субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов. Субвенции представляют собой самостоятельный источник поступлений в местные бюджеты денежных средств, передаваемых на осуществление отдельных государственных полномочий. Объем межбюджетных трансфертов муниципальным образованиям (без учета субвенций) по состоянию на 1 января 2020 года увеличился в сравнении с аналогичным периодом 2018 года на 22,3% [4]. Данные статистики показывают, что одной из серьезнейших проблем на сегодняшний день является проблема недостаточности собственных источников дохода местных бюджетов для исполнения ими своих обязательств по повышению уровня и качества жизни населения [1, с. 30–36].

Органам местного самоуправления необходимо финансовое обеспечение, в том числе для реализации национальных программ на местном уровне, способствующих социально-экономическому развитию муниципальных образований. В этом случае необходимые мероприятия финансируются как за счет средств местных бюджетов (в той части, в которой цели национальных программ соотносятся с вопросами местного значения), так и механизмов софинансирования из бюджетов более высокого уровня. Наибольшая вовлеченность органов местного самоуправления (15,9% муниципалитетов) отмечена в связи с реализацией национального проекта «Жилье и городская среда», на втором месте — «Образование» (9,1% муниципалитетов), на третьем — «Культура» (8,1% муниципалитетов) [5, с. 37].

Финансовое обеспечение предоставления муниципальных услуг за счет средств местного бюджета необходимо, в частности, в рамках адресной поддержки социально незащищенных групп населения [12, с. 71]. К примеру, в г. Ростове-на-Дону некоторые категории граждан получают муниципальные услуги либо бесплатно, либо в режиме сниженного размера оплаты — для них установлены специальные льготы:

— оплата жилищно-коммунальных услуг отдельным категориям граждан в 2020 году составила 676 млн руб.;

— льготный проезд в городском пассажирском транспорте общего пользования с его частичной оплатой в размере 50% стоимости (таким категориям граждан, как пенсионеры, обучающиеся общеобразовательных учреждений, профессиональных училищ и лицеев) — 239 млн руб.;

— оказание услуг по лечебно-оздоровительному плаванию детям из малоимущих семей — 114,3 млн руб. и т. д. [11].

Только на финансирование вышеперечисленных (далеко не всех оказываемых на территории города) бесплатных для населения муниципальных услуг г. Ростов-на-Дону требуется порядка 2,7% денежных средств местного бюджета.

Таким образом, финансовые ресурсы муниципальных образований должны соответствовать характеру, объему и содержанию возложенных на них управлен-

ческих задач [3, с. 5–11], должны быть достаточны для того, чтобы органы местного самоуправления имели реальную возможность обеспечить местное население муниципальными услугами определенного объема и качества, необходимых для нормальной жизнедеятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко Н. Н. Актуальные проблемы межбюджетных трансфертов в местных бюджетах // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 10.
2. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011.
3. Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Финансово-экономическая самостоятельность местного самоуправления в Российской Федерации: конституционное содержание, структура и нормативные пределы // Вопросы экономики и права. 2009. № 6.
4. Доклад Общероссийского конгресса муниципальных образований о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации, перспективах его развития и предложения по совершенствованию правового регулирования организации и осуществления местного самоуправления // <http://okmo.news/> (дата обращения: 05.06.2021 г.).
5. Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации (за 2019 год и первое полугодие 2020 года) / под общ. ред. Ю. С. Любимова. М., 2020.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». 2-е издание, перераб. и доп. / под ред. И. В. Бабичева, Е. С. Шугриной. М.: Норма, Инфра-М. 2015.
7. Муниципальное право Российской Федерации в 2 ч. Ч. 2: учебник для вузов / отв. ред. Н. С. Бондарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.
8. Нуриахметов Н. М. Правовой механизм финансового обеспечения государственных (муниципальных) услуг // Финансовое право. 2016. № 9.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2003 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда» // СЗ РФ. 2003. № 46 (ч. 2). Ст. 4509.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2803.
11. Решение Ростовской-на-Дону городской Думы от 27.04.2021 г. № 89 «Об утверждении отчета об исполнении бюджета города Ростова-на-Дону за 2020 год» // Официальный портал городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону <https://rostov-gorod.ru/documents/regulations/127708/> (дата обращения: 05.06.2021 г.).
12. Филимонова Е. А. Муниципальные услуги в Российской Федерации: правовое регулирование и практика реализации: дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2013.

13. Чаннов С. Е. Экономическое неравенство субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в контексте обеспечения конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. 2019. № 10.

REFERENCES

1. Bojko N. N. Aktual'ny'e problemy` mezhhbyudzhety`x transfertov v mestny`x byudzhetax // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2020. № 10.
2. Bondar' N. S. Sudebny`j konstitucionalizm v Rossii v svete konstitucionnogo pravosudiviya. M.: Norma, Infra-M, 2011.
3. Dzhagaryan A. A., Dzhagaryan N. V. Finansovo-e`konomicheskaya samostoyatel`nost` mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: konstitucionnoe sodержanie, struktura i normativny`e predely` // Voprosy` e`konomiki i prava. 2009. № 6.
4. Doklad Obshherossijskogo kongressa municipal`ny`x obrazovanij o sostoyanii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii, perspektivax ego razvitiya i predlozheniya po sovershenstvovaniyu pravovogo regulirovaniya organizacii i osushhestvleniya mestnogo samoupravleniya // [http://okmo.news/\(data obrashheniya: 05.06.2021 g.\)](http://okmo.news/(data obrashheniya: 05.06.2021 g.)).
5. Doklad o rezul'tatax ezhegodnogo monitoringa organizacii i razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii (za 2019 god i pervoe polugodie 2020 goda) / pod obshh. red. Yu. S. Lyubimova. M., 2020.
6. Kommentarij k Federal`nomu zakonu «Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii». 2-e izdanie, pererab. i dop. / pod red. I. V. Babicheva, E. S. Shugrinov. M.: Norma, Infra-M. 2015.
7. Municipal`noe pravo Rossijskoj Federacii v 2 ch. Ch. 2: uchebnik dlya vuzov / otv. red. N. S. Bondar`. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2020.
8. Nuriyaxmetov N. M. Pravovoj mexanizm finansovogo obespecheniya gosudarstvenny`x (municipal`ny`x) uslug // Finansovoe pravo. 2016. № 9.
9. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11.11.2003 № 16-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozenij punkta 2 stat`i 81 Zakona Chelyabinskoy oblasti «O byudzhetnom ustrojstve i byudzhetnom processe v Chelyabinskoy oblasti» v svyazi s zaprosom Chelyabinskogo oblastnogo suda» // SZ RF. 2003. № 46 (ch. 2). St. 4509.
10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17.06.2004 № 12-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 2 stat`i 155, punktov 2 i 3 stat`i 156 i abzacza dvadcat` vtorogo stat`i 283 Byudzhetnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosami Administracii Sankt-Peterburga, Zakonodatel`nogo Sobraniya Krasnoyarskogo kraja, Krasnoyarskogo kraevogo suda i Arbitrazhnogo suda Respubliki Xakasiya» // SZ RF. 2004. № 27. St. 2803.
11. Reshenie Rostovskoj-na-Donu gorodskoj Dumy` ot 27 aprelya 2021 g. № 89 «Ob utverzhdenii otcheta ob ispolnenii byudzheta goroda Rostova-na-Donu za 2020 god» // Oficial`ny`j portal gorodskoj Dumy` i Administracii goroda Rostova-na-Donu [https://rostov-gorod.ru/documents/regulations/127708/\(data obrashheniya: 05.06.2021 g.\)](https://rostov-gorod.ru/documents/regulations/127708/(data obrashheniya: 05.06.2021 g.)).
12. Filimonova E. A. Municipal`ny`e uslugi v Rossijskoj Federacii: pravovoe regulirovanie i praktika realizacii: dis. kand. yurid. nauk. Rostov n/D., 2013.
13. Channov S. E. E`konomicheskoe neravenstvo sub`ektov Rossijskoj Federacii i municipal`ny`x obrazovanij v kontekste obespecheniya konstitucionny`x prav i svobod grazhdan // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 10.

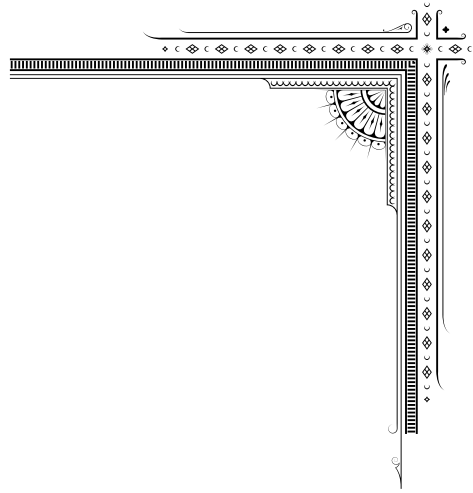
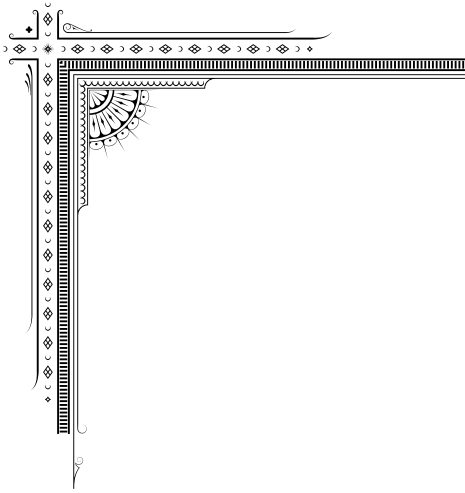
Filimonova E. A.,
Candidate of Laws, Assoc. Prof., Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

FINANCIAL RESOURCES OF A MUNICIPAL SETTLEMENT
AS A MUNICIPAL SERVICE GUARANTOR

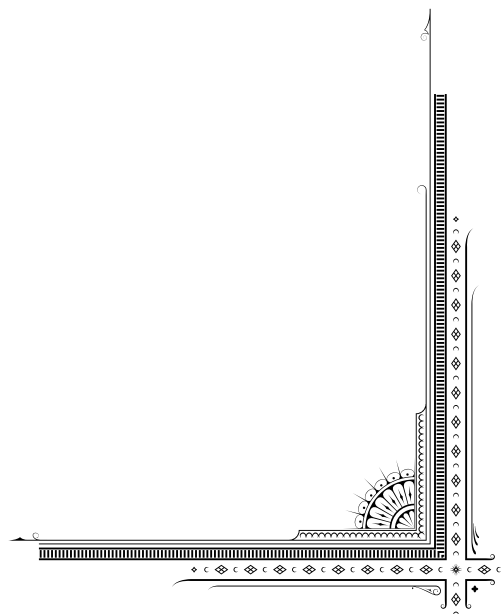
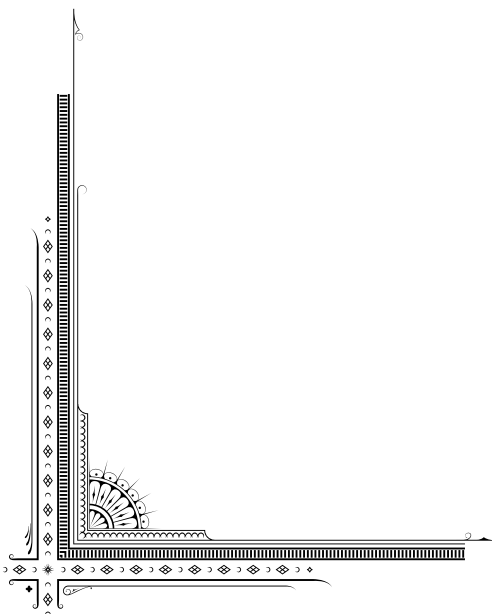
To ensure the conditions for comfortable living of citizens in the territory of the municipality and to provide them with affordable and high-quality municipal services, local self-government bodies must have financial resources. In the present article, the author pays attention to the sources of filling of local budgets, in which the most significant share of the financial resources of municipalities is concentrated.

Key words: municipal services; financial resources; local budget.

Секция
«ПРАВОВЕДЕНИЕ»

УДК 37.035

Фролов В. В.,
магистрант,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар,
Россия

© 2022
Дата приема:
15.12.2021

ИНСТИТУТ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОТВЕТЫ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В статье рассматриваются состояние и перспективы развития института антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в России. Предлагается авторское видение проблем, требующих особого внимания в отношении совершенствования экспертной деятельности по выявлению коррупциогенных факторов в сфере нормотворчества. Особый акцент сделан на оценке ситуации, сложившейся в плане реализации задач антикоррупционной экспертизы нормативных актов на уровне органов местного самоуправления. Наряду с анализом вызовов, на которые предстоит ответить отечественному экспертному сообществу в ближайшем будущем, автор также приводит рекомендации, касающиеся путей повышения эффективности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза; нормативный правовой акт; профилактика коррупции; противодействие коррупции.

Проблема борьбы с проявлениями коррупции в системе органов власти на всех ее уровнях — *idee fixe* любого демократического общества. Коррупция появляется там, где власть и полномочия, делегированные субъекту в целях достижения условного общественного блага, используются им для обеспечения личных или групповых интересов, чаще всего связанных с потенциальным получением неких преференций или прямой выгоды. Очевидно, что распространение коррупции грозит колоссальными экономическими потерями государству, способствует идеологическому разобщению в обществе, ставит под удар публичные интересы, усиливает недоверие к структурам государственного управления и в конечном итоге ведет к делегитимации власти.

Важно понимать — нормотворческая деятельность в контексте современного права трактуется не как процесс социального менеджмента, а как инструмент сопряжения интересов и устремлений различных групп и индивидуумов, составляющих общество. Таким образом, можно констатировать, что норма с коррупционной составляющей появляется там и тогда, где и когда законодатель теряет способность учитывать в рамках этой нормы весь спектр правообразующих инте-

ресов, — это приводит к тем самым необратимым последствиям — к исчерпанию кредита доверия, выданного обществом органам власти. Не будет преувеличением сказать, что коррупция, опирающаяся на нормативно-правовую базу, содержащую в себе дефектные нормы (коррупциогенные факторы), представляет угрозу и для национальной безопасности государства.

Следует отметить, что далеко не всегда наличие коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах (далее — НПА) является результатом умышленных действий. Нередки случаи, когда такая ситуация складывается по причине недостаточной компетентности лиц (структур), разрабатывающих эти документы. Именно поэтому экспертиза нормативных правовых актов на предмет наличия в них коррупциогенных факторов является столь важной составной частью деятельности органов власти, в особенности тех учреждений, которые по своему статусу теснее всего связаны с гражданским обществом, — органов местного самоуправления, муниципалитетов. Дополнительной сложностью в части текущей антикоррупционной фильтрации НПА является тот факт, что коррупция как явление (как социальная болезнь) весьма чутко реагирует на усилия по ее нейтрализации, приспособляясь к меняющемуся законодательству, вырабатывая все более изощренные методы противодействия антикоррупционной политике в целях придания своим проявлениям псевдолегальных форм.

Согласно общепринятому в рамках отечественной правоведческой традиции определению, экспертиза НПА на предмет наличия в них коррупциогенных факторов представляет собой деятельность властных структур (федеральных, субъектов Федерации), органов местного самоуправления (далее — ОМС), а также общественных организаций, физических лиц и социальных институтов по выявлению и исключению коррупциогенных факторов как из проектов, так и из действующих НПА.

Термин «коррупциогенный фактор» статьей 1 закона № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 определяется как норма, выступающая причиной коррупции, проявление которой основано на исполнении НПА и их проектов.

Законодатель выделяет две группы таких факторов:

— требования, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил;

— требования, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям.

Действующая на сегодняшний день Методика антикоррупционной экспертизы¹ содержит закрытый перечень из одиннадцати коррупциогенных факторов,

¹ Речь идет о документе под названием «Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с "Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов", "Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов"). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mos.ru/mgi/anticorruption/normativnye-pravovye-i-inye-akty-v-sfere-protivodeistviia-korruptcii/view/245994220> (дата обращения: 06.12.2021).

которые в случае их выявления в нормативном акте или его проекте должны быть исключены из документа.

Экспертиза нормативных правовых актов с точки зрения потенциальной коррупциогенности, согласно действующему законодательству, выполняется прокуратурой, Минюстом, органами власти, организациями, их должностными лицами, а также институтами гражданского общества и рядовыми гражданами. При этом характеристическими чертами антикоррупционной экспертизы НПА выступают обязательность ее проведения, оценка конкретного НПА во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами, обоснованность, объективность и проверяемость результатов экспертизы, компетентность экспертов, а также взаимодействие органов исполнительной власти и их должностных лиц с институтами гражданского общества в ходе проведения такой экспертизы.

За прошедшие с момента развертывания антикоррупционной кампании в России годы, предпринимавшиеся государством в отношении совершенствования антикоррупционной экспертизы меры претерпели серьезные коррективы. При этом на каждом новом витке своей эволюции противодействие коррупции сталкивалось с новыми вызовами. Нынешний этап борьбы с коррупционными проявлениями также отличается спецификой и сложными задачами, требующими оперативного решения.

В общем случае порядок антикоррупционной экспертизы НПА подразумевает последовательность нескольких этапов, а именно:

- обнаружение в текстах правовых актов (и их проектов) факторов, способствующих коррупционным действиям;
- оценочный анализ последствий принятия (вступления в силу) правового акта на предмет коррупционных угроз;
- разработка указаний и рекомендаций для нейтрализации коррупциогенных факторов в НПА в случае их обнаружения.

Самым проблемным звеном в отношении качества антикоррупционной экспертизы на сегодняшний день являются структуры местного самоуправления. Так, согласно оценочным данным органов прокурорского надзора, в РФ чаще всего НПА на муниципальном уровне страдают наличием потенциально опасных с точки зрения коррупционного злоупотребления норм, которые: во-первых, позволяют должностным лицам органов местного самоуправления принимать решения по своему усмотрению в широких пределах (в зависимости от складывающихся обстоятельств); во-вторых, весьма абстрактно описывают те или иные административные регламенты; в-третьих, предъявляют для реализации прав субъектом явно завышенные требования к нему, и, наконец, в-четвертых, те, которые нарушают установленную субординацию полномочий в контексте изданного документа.

Опираясь на изложенный выше порядок антикоррупционной оценки правовых актов, можно выделить определенные свойства муниципальных НПА, которые влияют на их качество [3] в рассматриваемом нами ключе:

- а) локальность действия нормативных правовых актов (речь идет о сравнительно небольшом круге лиц — разработчиков НПА, принадлежащих к определенной небольшой территории; здесь играет роль наличие у специалистов, зани-

мающихся подготовкой НПА, свободного доступа к информационно-справочным системам, а также численность экспертной группы и уровень ее компетентности);

б) нюансы адаптации обязательных положений федерального законодательства к местным традициям и хозяйственному укладу;

в) нетипичность (уникальность) местных НПА, которые всегда несут на себе печать местных условий, влияющих на реализацию тех или иных правовых норм.

Сложная социально-экономическая обстановка последних лет, ставшая следствием ограничительных мер, связанных с пандемией, не могла не внести своих корректив и в область антикоррупционной политики на местном уровне. В результате перечень традиционных проблем в сфере антикоррупционной экспертизы дополнился рядом новых задач, решением которых сегодня озабочено экспертное и научное сообщество в России. Изучению данной проблематики и посвящена данная публикация.

Рассмотрение вопросов, которые напрямую связаны с повышением эффективности антикоррупционной экспертизы НПА, следует начать с обозначившегося, по мнению многих отечественных правоведов, при проведении оценки документа на предмет наличия в нем коррупциогенных факторов явного перекоса в сторону исследования главным образом юридико-технического качества текста.

То есть на практике *антикоррупционная экспертиза нередко воспринимается как деятельность по устранению чисто юридических дефектов НПА*, что, разумеется, совершенно не является ее основной задачей. Более того, ряд известных теоретиков антикоррупционного мониторинга отмечают, что предметом экспертизы всё чаще становится выискивание в тексте НПА моментов, связанных с противоречием нижестоящих нормативных требований вышестоящим, а не выявление в тексте нормативного акта положений, неправомерно расширяющих дискреционные полномочия, завышающих требования при реализации прав и искажающих регламент конкретных административных процедур. Таким образом, антикоррупционная экспертиза как бы «мутирует» в формат правовой экспертизы.

По нашему мнению, причиной такого положения дел может быть отсутствие взаимодействия между структурами гражданского общества и властью, хотя такое взаимодействие, вообще говоря, предусмотрено федеральным законодателем — через участие общественности в местных специализированных антикоррупционных структурах (координационных и совещательных органах, группах и комиссиях по противодействию коррупции), контроле (аудите) реализации местной различных антикоррупционных программ, принимаемых на местном уровне.

Следующая проблема, к сожалению, остается актуальной уже многие годы — *острая нехватка квалифицированных специалистов в сфере антикоррупционной экспертизы*. Впрочем, на эту тему в последнее время говорят достаточно много. Мы лишь добавим, что эта проблема тесно смыкается с другой — *практикой косвенного или прямого давления ответственных должностных лиц учреждений — издателей НПА на своих подчиненных, занимающихся антикоррупционной экспертизой*, с целью лоббирования норм — носителей коррупционного начала.

Ряд исследователей вообще заявляют о том, что внутренняя антикоррупционная экспертиза по определению не может считаться независимой. К примеру, М. В. Гребенюк утверждает даже, что прокуратура, а также органы исполнитель-

ной власти или Минюста «весьма проблематично называть «независимыми», поскольку все они представляют собой звенья государственной власти, в той или иной мере подпадающие под влияние должностных лиц либо назначающих и смещающих их руководителей. Поэтому говорить о реальной объективности данных экспертиз не приходится, как не приходится говорить о независимости деталей или звеньев единого аппарата от управляющего данным аппаратом компьютера или контроллера. Кроме того, направление деятельности и прокуратуры и иных государственных органов строго ограничено рамками закона» [5]. Резюмировал эту позицию А. В. Нестеров, указав на то, что в рамках данной гипотезы «стали появляться мнения, что должна быть независимая экспертиза, в отличие от ведомственной экспертизы, якобы зависимой от ведомственных начальников» [10]. Понятно, что в данном случае оценке подвергается объективность экспертной деятельности как таковой, ее ангажированность вышестоящими в табели о рангах структурами. Думается, однозначного ответа на вопрос о степени независимости «ведомственного» экспертного заключения быть не может, поскольку это не в последнюю очередь зависит от реального баланса сил в контексте принципа разделения властей в государстве, от качества сложившейся в обществе демократии.

Следующей по значимости проблемой, на наш взгляд, является положение о том, что *антикоррупционная экспертиза может быть предусмотрена лишь в отношении нормативных правовых актов*. Получается, что огромный массив документации распорядительного и общеправового характера оказывается вне поля зрения экспертов. Договоры, проекты технических заданий в сфере закупочной деятельности, тексты соглашений, проекты конкурсной документации и пр. — во всех этих документах наличие коррупционной составляющей, очевидно, ничуть не ниже (а иногда и значительно выше!), чем в НПА и их проектах. Корректировка законодательства в этой связи, думается, была бы уместной...

Серьезные сложности на уровне отдельных территорий порождает стремление федерального законодателя жестко урегулировать все стороны и направления деятельности в сфере антикоррупционной экспертизы, забывая о необходимости учета реальной ситуации, имеющей место в обществе. Иными словами, *законодательно фиксируется некий идеальный алгоритм, актуальный в конкретно-политическом плане, но трудно достижимый в действительности* (с учетом существующего уровня развития правовой культуры, общественных отношений и пр.). Весьма показательно в этом смысле, что, скажем, наше уголовное законодательство за рубежом (в частности, в Японии) рассматривают как в высшей степени продуманное и оптимальное. При этом уровень преступности в Японии (с ее «несовершенным» УК!) и в России несопоставим. А всё потому, что в Японии «... акценты в борьбе с преступностью смещены из области «государственно-правового» в область «социального», а ее эффективность объясняется не столько разработанностью институтов (которые порой уступают российским аналогам), не столько совершенством юридической техники, сколько соответствием правовой системы устоям японского общества, его традициям, социальным поведенческим стереотипам, этическим воззрениям» [9]. Обратной стороной этой проблемы является *максимально обобщенный по содержанию механизм антикоррупционного*

контроля, не учитывающий всего спектра возможных форм коррупционных проявлений. Этот недостаток присущ, к примеру, алгоритму Методики антикоррупционной экспертизы НПА, применение которой приходится адаптировать каждому региону РФ с учетом местной специфики. Поэтому-то в некоторых случаях антикоррупционное законодательство принимает вид декларации, а не реального инструмента противодействия коррупции.

Развивая тему *недостаточной проработанности федеральной Методики проведения антикоррупционной экспертизы НПА*, заметим, что в данном документе весьма поверхностно описана идеология антикоррупционной экспертизы, слабо детализированы цели, задачи экспертизы, и, по сути, отсутствуют рекомендации по ее эффективному использованию. В то же время весьма не лишним стало бы дополнение Методики разделами, содержащими подробные критерии для оценки коррупционности отдельных норм (статей, параграфов и т. д.) НПА; алгоритмы выявления и нейтрализации коррупционных факторов; правила по дополнению или изменению дефектных в коррупционном отношении разделов НПА; подробные регламенты отклонения НПА или возвращения их разработчику на коорректировку. Такого рода доработка Методики позволит в полной мере реализовать базовый принцип антикоррупционной экспертизы НПА — установку на обоснованность, а также объективность и проверяемость результатов экспертного процесса.

Напомним: обоснованность экспертизы НПА на коррупционность заключается в последовательной и стройной аргументации выводов, содержащихся в заключении эксперта. Объективность — это нивелирование субъективного начала в выводах специалиста-эксперта. Этот принцип требует опираться в ходе экспертизы исключительно на научные методы в оценке исследуемого материала — экстраполяцию, метод экспертных оценок, статистический метод и др. Проверяемость в данном контексте понимается как доступность проверки выводов экспертизы, сравнения ее результатов с условным стандартом. Существующая же редакция Методики пока далека от совершенства, а принцип проверяемости результатов экспертизы вообще выглядит в большей степени трудно достижимым идеалом. В то же время каждый правотворческий орган на любом уровне вертикали власти волен по своему усмотрению проводить экспертизу издаваемых актов, что ставит под вопрос также соблюдение условий обоснованности и объективности ее результатов.

Весьма жаркую дискуссию в научных кругах породил тезис о *существующих путях использования результатов антикоррупционной экспертизы*. В настоящее время эти результаты могут воплощаться в формате прокурорского требования (с указанием изменить то или иное положение НПА) или обращения прокурора в судебную инстанцию, а также представлять собой экспертное заключение с неопределенным по содержанию шлейфом последствий для издателя правового акта.

Требование прокурора подразумевает обязательную реакцию автора-разработчика НПА (государственного или муниципального органа власти, хозяйствующего субъекта или должностного лица) в течение десяти дней (или на ближайшем заседании, если речь идет о муниципальном или региональном органе

власти). Причем эта реакция должна учитывать содержащиеся в указанном требовании замечания прокурора. Заключение же экспертизы носит чисто рекомендательный характер. И, несмотря на обязательность его рассмотрения разработчиком НПА, все же не является руководством к действию, давая, таким образом, пространство для возможных злоупотреблений. Значит ли это, что в некоторых случаях антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов работает вхолостую? Несомненно! Пути решения этой проблемы очевидны: замечания эксперта должны быть обязательными к учету, а их игнорирование следует рассматривать в качестве основания для обращения в суд.

Поскольку речь зашла о роли судебной инстанции в антикоррупционной политике, ориентированной на нормализацию НПА, заметим: немало критических реплик сегодня раздается в адрес *регламента рассмотрения заявлений, связанных с устранением коррупциогенных положений в НПА в рамках судопроизводства*. В частности, законодателю следовало бы установить (возможно, в рамках Гражданского процессуального кодекса) сроки рассмотрения результатов антикоррупционной экспертизы и порядок этой процедуры.

Далее — юридическим сообществом в качестве серьезного недостатка сложившейся системы антикоррупционной экспертизы НПА признается *выведение за скобки* (в смысле участия в экспертной процедуре) *общественных палат всех уровней*. Точнее их допуск к экспертной деятельности только при условии наличия у этих структур статуса юридического лица, а также аккредитации как независимого эксперта. Это весьма ограничивает доступ институтов гражданского общества к антикоррупционному аудиту. Вообще, стоит признать: независимая антикоррупционная экспертиза НПА сегодня находится в несколько подвешенном состоянии. В первую очередь это касается юридического статуса т. н. «неофициальных» экспертов. Согласно действующему законодательству, независимая экспертиза может выполняться негосударственными организациями, учебными (научными) учреждениями, коллективами юристов и гражданами, но, как мы указывали выше, заключения такой неофициальной экспертизы не подразумевают правовых последствий, а выводы по анализируемому вопросу носят необязательный характер. На наш взгляд, имеет смысл приравнять неофициальную экспертизу к общественной, придав необходимый юридический вес ее результатам.

Отдельного внимания заслуживает вопрос использования информационных технологий в рамках антикоррупционной экспертизы НПА. Обойти эту тему в условиях разгоняющейся в наши дни очередной научно-технической революции, которая покоряет технологию искусственного интеллекта, DLT, блокчейна; адаптирует к повседневным нуждам общества методы обработки массивов BigData, невозможно.

Очевидно, использование новых ИТ-технологий расширяет возможности превентивного выявления коррупционных рисков в сфере правотворчества. Несмотря на слабость технического обеспечения низового уровня системы государственного управления — органов местной власти, новые информационные технологии, безусловно, будут всё шире использоваться в антикоррупционной экспертной деятельности. При этом основным инструментом в этом смысле ста-

нут самообучающиеся экспертные системы, которые, скорее всего, изменят сам способ осуществления экспертизы и, разумеется, позволят радикально сократить время на ее проведение.

Обобщить характеристики ИТ-средств, которые будут востребованы в сфере экспертной деятельности, ориентированной на противодействие проявлениям коррупции, можно в следующем перечне:

- самообучение и автоматизация (позволит исключить типовые случаи коррупционных дефектов в НПА);
- прозрачность (поможет взять под контроль параметр «широта усмотрения»);
- способность к оптимизации НПА (обеспечит обнаружение в связанных документах вложенных или взаимодействующих коррупциогенных факторов, а также факторов, снижающих эффективность реализации НПА);
- информативность (даст возможность накапливать информацию о выявленных коррупционных практиках и дефектах НПА для автоматической выработки рекомендаций по недопущению подобных угроз в будущем).

Разумеется, эффект от ИТ-технологий достигим лишь при условии создания соответствующей инфраструктуры, разработки специализированного программного обеспечения и подготовке необходимых кадров, то есть повышения общего уровня цифровой грамотности. Ускоренное развитие онлайн-платформ государственных услуг и сервисов электронного правительства в России, интенсивная реализация государственной программы «Цифровая экономика» говорят о том, что вектор движения на федеральном уровне уже задан. Однако, по мнению некоторых исследователей, здесь кроется опасность, способная поставить перед институтом антикоррупционной экспертизы НПА неразрешимую задачу. Действительно, вместо того чтобы смягчить коррупцию *«внедрение информационно-коммуникационных систем в области предложения информации может сдвинуть коррупцию в другие области деятельности <...>* (курсив наш — Авт.), а также создать новые уязвимости для взлома и манипуляций» [12].

Представленные выше рассуждения относительно комплекса проблем, требующих разрешения на нынешнем уровне развития института антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в России, приводят к мысли о том, что рассредоточенную по отдельным учреждениям экспертную деятельность в рамках общегосударственной политики противодействия проявлениям коррупции в сфере нормотворчества имеет смысл оформить в виде единой *системы антикоррупционного мониторинга НПА*. Причем механизм этого мониторинга должен опираться на проработанную и постоянно актуализируемую научную базу, учитывающую результаты исследований коррупционной практики, ее глубинные социально-экономические корни и способы воздействия на общественное сознание.

Теоретически органы власти, для которых разработка нормативно-правовой документации является неотъемлемой частью повседневного рабочего процесса, конечно, должны быть заинтересованы в качественной антикоррупционной экспертизе издаваемых НПА в первую очередь для всемерного повышения эффективности управления своими территориями. Однако фактически властная вертикаль

не свободна от болезней, которыми страдает современное общество. В этом смысле значительный потенциал в борьбе с коррупционной угрозой имеет распространение информационных технологий, а также популяризация социальной идеологии нетерпимости к коррупционной модели поведения. Возможно, формированием антикоррупционного мышления будущего госслужащего следует озаботиться еще со студенческой скамьи, вводя в учебный план вузов спецкурсы, посвященные противодействию коррупции. Не лишним будет также ужесточение контроля со стороны государства за медиаконтентом в сфере массовой культуры, которая изобилует всевозможными «обучающими курсами» и «онлайн-тренингами», продвигающими ценности потребительского отношения к жизни, идеалы вещизма и безудержного стремления к материальному благополучию.

В целом, решение рассмотренных нами проблем видится в пакете мер, которые ориентированы как на изменение законодательных основ антикоррупционной экспертной деятельности, так и на повышение действенности уже существующей системы противодействия коррупции в области нормотворчества. Обобщенно спектр этих мер предполагает движение по трем направлениям, предполагающим совершенствование антикоррупционной экспертизы в РФ:

— необходимо конкретизировать правовой статус специалиста, занимающегося экспертной деятельностью (в том числе общественного эксперта), подробно описать его права, обязанности и ответственность;

— законодательно установить критерии нормативных правовых актов в части соблюдения их разработчиками необходимой юридической техники;

— привести к общему знаменателю существующие на разных уровнях государственного управления подходы к антикоррупционной экспертизе НПА и сформировать единую платформу антикоррупционного мониторинга.

Преимущества от реализации предлагаемых мер, на наш взгляд, очевидны: во-первых, это повышение действенности издаваемых нормативных актов; во-вторых, профилактика злоупотреблений в сфере правоприменения; в-третьих, очевидное снижение временных и трудовых затрат на урегулирование всевозможных юридических коллизий; наконец, в-четвертых, это укрепление доверия к институту права со стороны граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баснак Д. В. Об актуальных направлениях правового и методического обеспечения мер по противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе, а также в организациях // Актуальные вопросы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации. Материалы научно-практической конференции (г. Казань, 9 ноября 2016 г.): сб. статей. Казань, 2016. С. 50–54.
2. Бахтина М. С. К вопросу о проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов при помощи математической модели // Административное право и практика администрирования. 2020. № 2. С. 38–46.
3. Бахтина М. С. Особенности проведения антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов // Административное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 313–320.

4. Бахтина М. С. Актуальные проблемы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органами Прокуратуры РФ // Административное и муниципальное право. 2015. № 2. С. 209–214.
5. Гребенюк М. В. Реализация законодательства о независимой антикоррупционной экспертизе и опыт работы интернет-портала «Независимая антикоррупционная экспертиза» // Реализация законодательства о независимой антикоррупционной экспертизе: проблемы и перспективы. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции: сб. статей. М. 2012. С. 49.
6. Мамитова Н. В. Проблемы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в современной России // Вопросы права и политики. 2014. № 11. С. 1–14.
7. Мамитова Н. В. Правовая экспертиза российского законодательства: уч.-практ. пособие. М.: Норма — ИНФРА-М, 2013. С. 65–78.
8. Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах). М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2017. — 56 с.
9. Морозов Н. А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 121–122.
10. Нестеров А. В. Правовые основания антикоррупционной экспертизы // Безопасность бизнеса. 2009. № 2. С. 46–48.
11. Пасечко В. В. Влияние коррупции на эффективность государственного управления // Вопросы управления. 2017. № 6 (49). С. 23–29.
12. Трунцевский Ю. В. Е-антикоррупция или е-коррупция: влияние глобальной цифровизации // Международное публичное и частное право. 2019. № 4. С. 42–48.
13. Трунцевский Ю. В. Антикоррупция и конституция. Мировые, региональные и национальные тенденции: монография / Ю. В. Трунцевский, А. К. Есаян; под общ. ред. Ю. В. Трунцевского. М.: Юрайт, 2019. 481 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/447240> (дата обращения: 20.12.2021).

REFERENCES

1. Basnak D. V. Ob aktual'ny`x napravleniyax pravovogo i metodicheskogo obespecheniya mer po protivodejstviyu korrupcii na gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhbe, a takzhe v organizacijax // Aktual'ny`e voprosy` protivodejstviya korrupcii v sub``ektax Rossijskoj Federacii. Materialy` nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Kazan`, 9 noyabrya 2016 g.): sb. statej. Kazan`, 2016. S. 50–54.
2. Baxtina M. S. K voprosu o provedenii antikorrupcionnoj e`kspertizy` normativny`x pravovy`x aktov pri pomoshhi matematicheskoy modeli // Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2020. № 2. S. 38–46.
3. Baxtina M. S. Osobennosti provedeniya antikorrupcionnoj e`kspertizy` municipal'ny`x normativny`x pravovy`x aktov // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 3. S. 313–320.

4. Baxtina M. S. Aktual'ny'e problemy` provedeniya antikorrupcionnoj e`kspertizy` normativny`x pravovy`x aktov organami Prokuratury` RF // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2015. № 2. С. 209–214.
5. Grebenyuk M. V. Realizaciya zakonodatel'stva o nezavisimoy antikorrupcionnoj e`kspertize i opy`t raboty` internet-portala «Nezavisimaya antikorrupcionnaya e`kspertiza» // Realizaciya zakonodatel'stva o nezavisimoy antikorrupcionnoj e`kspertize: problemy` i perspektivy`. Materialy` I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: sb. statej. M. 2012. S. 49.
6. Mamitova N. V. Problemy` provedeniya antikorrupcionnoj e`kspertizy` normativny`x pravovy`x aktov i ix proektov v sovremennoj Rossii // Voprosy` prava i politiki. 2014. № 11. S. 1–14.
7. Mamitova N. V. Pravovaya e`kspertiza rossijskogo zakonodatel'stva: uch.-prakt. posobie. M.: Norma — INFRA-M, 2013. S. 65–78.
8. Metodicheskie rekomendacii po provedeniyu pravovoj i antikorrupcionnoj e`kspertizy` normativny`x pravovy`x aktov sub`ektov Rossijskoj Federacii i municipal`ny`x obrazovanij (s illyustraciej na konkretny`x primerax). M.: FBU NCzPI pri Minyuste Rossii, 2017. — 56 s.
9. Morozov N. A. Prestupnost` i bor`ba s nej v Yaponii. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2003. S. 121–122.
10. Nesterov A. V. Pravovy`e osnovaniya antikorrupcionnoj e`kspertizy` // Bezopasnost` biznesa. 2009. № 2. S. 46–48.
11. Pasechko V. V. Vliyanie korrupcii na e`ffektivnost` gosudarstvenno-go upravleniya // Voprosy` upravleniya. 2017. № 6 (49). С. 23–29.
12. Truncevskij Yu. V. E-antikorrupciya ili e-korrupciya: vliyanie global`noj cifrovizacii // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2019. № 4. S. 42–48.
13. Truncevskij Yu. V. Antikorrupciya i konstituciya. Mirovy`e, regional`ny`e i nacional`ny`e tendencii: monografiya / Yu. V. Truncevskij, A. K. Esayan; pod obshh. red. Yu. V. Truncevskogo. M.: Yurajt, 2019. 481 s. // Obrazovatel`naya platforma Yurajt [sajt]. — URL: <https://urait.ru/bcode/447240> (data obrashheniya: 20.12.2021).

Frolov V. V.,

student of the master's program, Kuban State University, Krasnodar, Russia

INSTITUTION OF ANTI-CORRUPTION REVIEW OF REGULATORY LEGAL ACTS
IN TODAY'S RUSSIA: MEETING NEW CHALLENGES

This article considers the state and prospects for the development of the institution of anti-corruption review of regulatory legal acts in Russia. Proposed is an author-developed view on the problems requiring special attention with respect to the improvement of the examination activities aimed at the detection of corruptogenic factors in rule-making. Special emphasis is placed on the assessment of the present situation concerning the problems of anti-corruption reviewing of regulatory legal acts at the local government level. Alongside the analysis of those challenges to be met by the Russian expert community in the near future, the author also gives advice on how to increase the effectiveness of anti-corruption assessment of regulatory legal acts.

Key words: anti-corruption review; regulatory legal act; corruption prevention; corruption control.

УДК 34:002.6

Микулина Е. В.,

доцент кафедры муниципального права и природоохранного законодательства Южного федерального университета,
к. ю. н., г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2022

Дата приема:
30.12.2021

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируется влияние цифровой модели развития общества на закрепление эффективных механизмов защиты личности, ее базовых прав и свобод, сохранение демократических институтов нашего общества. Автор ставит вопрос о необходимости выделения юридически значимых аспектов в отношениях формирующейся виртуальной реальности, нейтрализации ценностей, построенных на деформированной их шкале, а также реальных угроз для обеспечения безопасного развития и нейтрализации разрушения отдельных структурных компонентов общества.

Ключевые слова: информационное общество; цифровая личность; цифровизация; виртуальная реальность; права человека и гражданина; нравственные ценности.

**«Стало чудовищно очевидно, что наши технологии
превзошли нашу человечность»**

А. Эйнштейн

Развитие человеческой цивилизации привело к беспрецедентным сдвигам в науке, экономике, культуре и обеспечило формирование качественно нового глобального информационного (цифрового) общества. Ускоренное использование (благодаря цифровым технологиям) научных знаний привело к разработке новых наукоемких и высокоэффективных технологий.

Данные технологии и биоинженерия, как доминирующие составляющие новой технологической революции, безусловно, будут существенно влиять на формирование нового технологического уклада. Формирование цифрового общества осуществляется беспрецедентными темпами, что приводит к существенным изменениям в привычном образе жизни и деятельности человек. Мгновенная доступность знаний, необходимой информации, которыми в состоянии обладать каждый, ставит человека, личность в центр всех технологических изменений и делает его наиболее значимым фактором развития общества. В цифровом мире человек погружается в новую с точки зрения ее качества систему социальных отношений.

При этом пока еще мало исследован спектр возникающих отношений, недостаточно осмыслены правотворческими органами содержание и значимость этих отношений, и они, как следствие, не имеют необходимой правовой регламентации.

Первые попытки научного правового анализа отношений, возникающих в сфере виртуальной реальности, привели ученых-правоведов к противоположным взглядам даже на такое фундаментальное понятие, как «правоотношение» и его элементный состав в цифровом пространстве. «В сферу права вовлекаются новые общественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо не требовали правового регулирования или не могли быть урегулированы правом. К этим отношениям можно отнести отношения, субъектами которых являются виртуальные «личности», отношения, связанные с юридически значимой идентификацией личности в виртуальном пространстве, а также отношения, возникающие в связи с реализацией прав человека в виртуальном пространстве (например, право на доступ в Интернет), и наконец, отношения, ориентированные на применение робототехники»¹.

В юридической науке нет единства мнений относительно понимания природы и субъектов интернет-отношений; новые проблемы порождает появление «цифровой личности» (тех же роботов), которые, по мнению отдельных ученых, могут выступать в качестве нового субъекта права наряду с человеком². Цифровизация оказывает огромное влияние на все сферы юридической жизни, в том числе и на устойчивые теоретические правовые конструкции. В результате, как указывалось выше, меняется и состав субъектов правоотношений, появляются новые виды таких субъектов, которые зародились в лоне цифровых технологий, и которые оказывают существенное влияние на прочих субъектов правоотношений, таких как публичные органы власти, физические и юридические лица, местные сообщества. При этом «цифровых» субъектов практически невозможно идентифицировать и применить к ним меры ответственности (как, к примеру, системы искусственного интеллекта); они являются виртуальными, но при этом совершают реальные действия, которые влекут правовые последствия.

Это приводит к тому, что правовая регламентация возникших отношений стала носить фрагментарный характер; это происходит, поскольку не сформирован образ будущего общества, что не позволяет выявить научно обоснованные цели правотворческого процесса в самом широком смысле.

«Многие отрасли права, в том числе и конституционное право, зачастую не спешат менять своей терминологии, понятийного аппарата, основных концепций. Новые явления либо не замечаются (пока!), либо существуют как бы в параллельном мире, т. е. спокойно используются, причем нет заботы о соответствии имеющемуся регулированию, а то и есть пренебрежительное к нему отношение, во всяком случае, скрытое»³.

¹ Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 10–11.

² Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 9.

³ Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.

Развитие облачных технологий, технологии блокчейна, использование массивов больших данных (BigData) приводит к размыванию государственных границ и создает, повторим, новое качество социальных отношений, что порождает комплекс проблем, связанных с защитой основных прав и свобод человека и гражданина. На государственном уровне необходимо закрепить идентификацию «цифровых» субъектов права, обеспечить полное правовое регулирование цифровой сферы, для того чтобы виртуальная сфера не нарушала правовые нормы в реальной жизни. Цифровое пространство должно быть, прежде всего, сферой гарантирования и реализации прав и свобод человека и гражданина.

Метаюридическим эквивалентом фундаментальных конституционных идеалов выступают закрепленные в Основном законе страны начала, программные положения, аксиомы, презумпции, конституционные ценности. Метаюридические характеристики придают динамизм реализуемым на практике «вечным», фундаментальным конституционным идеалам как категории действующего законодательства. В концентрированном виде они закрепляются в преамбуле, а также в гл. 1 и 2 Конституции РФ и выполняют гарантийно-охранительные, а также аксиологические функции¹.

Цифровая трансформация общества не должна, однако, приводить к деформации прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем необходимо наметить пути и способы их правовой защиты в условиях виртуальной реальности. Виртуальная реальность набирает обороты, всё интенсивнее влияя на правовую систему государства. По мнению ученых, стартовой площадкой, «матрицей» для возникновения права цифрового общества может и должна стать *цифровая конституция*. При этом подчеркивается, что речь не идет о разработке «параллельной» конституции, написанной на одном из языков программирования или «цифровом варианте» конституции, созданном с помощью современных компьютерных технологий. По мнению ученых, необходимо создать основной закон цифрового общества, качественные особенности которого поменяют все базовые институты в системе государственной власти, конституционном праве².

Юридическое оформление информационно-цифровых прав предопределяет необходимость их категориального обоснования и определения соотношения как с традиционными правами человека и гражданина, так и между собой³.

Статьи 23–24 Конституции РФ гарантируют каждому гражданину тайну частной жизни, а также запрет на сбор информации о личности, однако в соответствии, скажем, с пользовательским соглашением социальной сети TikTok (далее — «Платформа»), которое одобряется пользователями без элементарного анализа его условий, «как бы с согласия» пользователя Платформа осуществляет (факти-

¹ Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 23.

² Шахрай С. М. Цифровая конституция. основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 12. С. 1076–1077.

³ Бондарь Н. С., Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. №11. С. 20-34.

чески в нарушение ст. 24 Конституции РФ!) сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица. Поскольку соглашение технически одобряется пользователем, то, говоря строго юридически, получение такой информации осуществляется с его согласия. Компания TikTok Pte Ltd в результате не только контролирует материалы, которые пользователь размещает на Платформе с фиксацией указываемых пользователем предпочтений, а также размещаемых видео- и фотоматериалов, но также фиксирует комментарии, которые пользователь оставляет на платформе. Сбор пользовательского контента осуществляется в момент создания, загрузки или импорта независимо от воли пользователя по поводу возможности сохранения того или иного пользовательского контента.

Если пользователь применяет какой-либо эффект к пользовательскому контенту, то Платформа может сохранить версию любого варианта пользовательского контента. Чрезвычайно значимым является факт сбора информации по идентификации объектов, фонов, которые располагаются на изображениях, включая их отличительные признаки, особенности тел и лиц, характера и содержания звукового сопровождения в пользовательском контенте. Платформа собирает информацию посредством опросов, «челленджей» и конкурсов, в которых пользователь участвует, а также аккумулирует сведения о том, как пользователь использует Платформу, в том числе с учетом контента, который Платформа демонстрирует (реклама и видеосюжеты) в рамках контента просматриваемого пользователем; Платформа собирает данные о возникших при просмотре медиаконтента проблемах, о понравившихся пользователю сюжетах, о контенте, который пользователь сохраняет в личной базе данных «Избранное», о других пользователях, на которых данный индивид подписан, а также о его взаимодействии с общими подписчиками. Платформа также строит предположения о предпочтениях пользователя, на основе его интересов, пола и возраста, для персонализации контента, обрабатывает информацию о подписчиках, «лайках», которые пользователь получает, откликах на загружаемый пользователем контент, для изучения возможностей для последующих контактов и продвижения контента пользователя среди других пользователей.

Собственник Платформы может получать информацию об использовании пользователем другого сервиса, если он привязывает к нему свой TikTok. Таким образом, компания получает внушительный объем значимой информации о пользователе; при этом она не только использует данную информацию для взаимодействия с пользователем, но также имеет возможность использовать ее в рамках социальной сети. К числу такой информации относятся ID приложения, токен-доступ и др.

Кроме пользовательского контента и поведенческих характеристик пользователя, компания собирает о нём всю техническую информацию, а также данные о его местоположении (на основе sim-карты и/или IP-адреса).

Такая информация может быть использована, в том числе, и бизнес-партнерами компании — собственника Платформы: поставщиками услуг, которые поддерживают бизнес компании TikTok Pte. Ltd, аналитиками, рекламодателями и рекламными сетями, корпоративными группами (к числу которых относятся другие участники сети, дочерние и материнские организации или аффилированные

лица), правоохранительными органами. Причем хранение этой информации осуществляется на серверах, которые расположены в Сингапуре или Соединенных Штатах Америки.

Таким образом, компания TikTok Pte. Ltd, зарегистрированная в Сингапуре, получает доступ к информации об имени пользователя, дате его рождения, адресе электронной почте, номере телефона, которые пользователь раскрывает в своем профиле, а также к его личным фото- и видеоматериалам.

Чрезвычайно значимыми в связи с изложенным выше являются принципы, заложенные в Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг.¹, закрепляющие приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий (пп. «г» п. 3); обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях (пп. «д» п. 3); обеспечение государственной защиты интересов граждан в информационной сфере (пп. «е» п. 3).

В настоящее время практически все значимые персональные данные граждан РФ хранятся в цифровом пространстве и представляют собой сводку всех правовых характеристик граждан и правоотношений, в которых граждане участвовали ранее или участвуют в настоящее время; причем это касается не только граждан, активно вовлеченных в цифровой правооборот, но и тех, которые в силу определенных обстоятельств (возраста, отсутствие определенных цифровых знаний и др.) далеки от цифрового пространства и не могут контролировать базу своих данных лично. Это ставит таких лиц в неравное положение по сравнению с более «продвинутыми» пользователями цифрового пространства, что является серьезной проблемой в обеспечении равенства реализации прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, цифровизация общественной жизни в некотором смысле усугубляет процессы социального и правового неравенства².

Жизнеспособность цивилизации определяется системой ценностей, которые определяют отношение общества к окружающему миру, а потому закрепление фундаментальных конституционных идеалов в качестве «вечных», неизменных, связано с исторической преемственностью философско-правового понимания сущностных характеристик не только отдельных институтов конституционно-правовой действительности, но и самой Конституции³.

Проведенный выше анализ позволяет прийти к следующим обобщающим выводам:

1. Широкая информатизация общества, становление нанотехнологий, информационных технологий и информационно-телекоммуникационных систем

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. №11. С. 20–34.

³ Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 23.

глобального уровня, с одной стороны, способствуют повышению качества жизни, но при этом, с другой стороны, уровень общественного сознания не обеспечивает их адекватного отражения, выделения юридически значимых аспектов в отношениях сформировавшейся виртуальной реальности.

2. Государственные органы в условиях информационной глобализации не в состоянии изолировать население своих стран от всевозможной информации, носящей в том числе социально-экономический и юридической характер, что приводит, с одной стороны, к повышению уровня правосознания личности, а с другой стороны — к его деформации, насаждению неприемлемой шкалы ценностей и соответствующему поведению субъектов. Высокие нравственные ценности вытесняются ценностями, построенными на их деформированной шкале, что лишает цивилизацию определенной устойчивости.

3. Современные достижения научно-технического прогресса наряду с позитивными тенденциями содержат комплекс деструктивных начал, пока не воспринимающихся адекватно обществом, которое не обеспечило создание правовых механизмов по нейтрализации реальных угроз для обеспечения безопасного социального развития, что может привести к нарушению устойчивости структуры общества.

В настоящее время наблюдается интенсивный рост киберпреступности (до 510,4 тыс. (+74%) случаев). Основная часть киберпреступлений совершается с использованием сети Интернет — 300,3 тыс. (+91,3%) и средств мобильной связи — 218,7 тыс. (+88,3%). При этом каждое четвертое противоправное деяние представляет собой кражу или мошенничество (410,5 тыс.)¹.

Вне зависимости от характера правоприменительных проблем, возникающих в связи с цифровизацией, отправной точкой и методологическим ориентиром на пути их решения должны стать конституционные принципы и нормы².

Цифровая конституция должна обеспечить не только закрепление основных конституционных принципов и норм в цифровом пространстве, но и оказать конституционное воздействие на соответствующие явления социальной действительности, сохраняя функциональность демократических институтов общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.
2. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.
3. Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.

¹ Овчинский В., Сухаренко А. Российский криминал на фоне мировых тенденций // Газета «Завтра». — URL: https://zavtra.ru/blogs/rossijskij_kriminal_na_fone_mirovih_tendencij.

² Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 20–34.

4. Копылов В. А. Информационное право: вопросы теории и практики. М.: Юрист, 2003. 621 с.
5. Овчинский В., Сухаренко А. Российский криминал на фоне мировых тенденций // Газета «Завтра». — URL: https://zavtra.ru/blogs/rossijskij_kriminal_na_fone_mirovih_tendencij.
6. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 5–17.
7. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
8. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16.
9. Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 12. С. 1075–1082.

Mikulina E. V.,

*Candidate of Laws, Assoc. Prof., Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS
AND FREEDOMS IN THE EMERGING DIGITAL SOCIETY

The article analyzes the influence of the digital model of the development of society on the consolidation of effective mechanisms for protecting the individual, his basic rights and freedoms, the preservation of the democratic institutions of our society. The author raises the question of the need to highlight legally significant aspects in the relationship of the emerging virtual reality, neutralize values built on their deformed scale, as well as real threats to ensure safe development and neutralize the destruction of individual structural components of society.

Key words: information society, digital personality, digitalization, virtual reality, human and civil rights, moral values.

УДК 34.096

Павлова Е. С.,

*студентка Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России)
г. Сочи, Россия*

© 2022

*Дата приема:
06.12.2021*

Научный руководитель: *Димитрова Е. А.,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент, г. Сочи, Россия*

ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В данной статье дается развернутое обоснование значения правовой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в целях повышения общего качественного уровня отечественного законодательства. Автором сформулированы принципы, на которых должна базироваться экспертная деятельность по контролю качества нормативных правовых актов, для того чтобы ее результаты признавались обоснованными, а методика ее проведения не вызывала сомнений с точки зрения эффективности.

Ключевые слова: *правовая экспертиза; нормативно-правовой акт; правовое регулирование.*

Человечество на протяжении всей своей истории испытывало потребность в выработке эффективных форм социального управления. В качестве одного из наиболее действенных регуляторов общественных отношений исторически был избран институт правового регулирования.

Несмотря на многовековой опыт правового регулирования, до сих пор спорным остается вопрос об эффективности действия тех или иных нормативно-правовых актов.

Сегодня в целях повышения качества российской правовой системы государством предпринимается ряд мер, направленных на детальную регламентацию правотворческого (законотворческого) процесса. Однако эффективность применения таких мер существенно снижается под воздействием ряда негативных факторов — бюрократизации права, архаичности некоторых правовых норм, непоследовательности в модернизации системы регулирования права и др. В этой связи одной из важнейших задач, стоящих перед государством в настоящее время, признается необходимость совершенствования методов и форм правового регулирования, создание качественного правового поля. При этом особое внимание уделяется поиску мер и выработке критериев оценки качества нормативно-правовой базы, а также устранению имеющихся в законодательстве коллизий и пробелов.

Одним из проверенных средств, применяемых для решения обозначенных вопросов, признается правовая экспертиза. Правовая экспертиза ориентирована на выявление допущенных законодателем при разработке нормативных правовых актов ошибок (недочетов, пробелов), а также на устранение подобных юридических дефектов, в том числе в отношении действующего законодательства.

В научной литературе встречаются различные определения понятия «правовая экспертиза». Так, Г. И. Иванец определяет правовую экспертизу как специальное исследование, проводимое в целях оценки качества принятого (принимаемого) нормативно-правового акта, установления его соответствия нормам Конституции РФ, а также действующему законодательству [1].

А. Н. Миронов под правовой экспертизой понимает исследование, проводимое по поручению специалистами (экспертами) в целях установления обстоятельств, которые могут оказать особое влияние на содержание, качество принимаемого нормативно-правового акта [2].

А. Ю. Гулягин сводит правовую экспертизу к одному из направлений деятельности уполномоченного органа либо лица [3].

Более развернутое определение понятия правовой экспертизы дано А. В. Петренко. Согласно его взгляду правовая экспертиза это «деятельность уполномоченных лиц по изучению объектов правовой сферы, осуществляемая в установленной процессуальной форме и основывающаяся на общих принципах и нормах права, результаты которой закреплены в специальном акте — заключении и необходимы для принятия юридически значимых решений в целях устранения конфликтов в интересах общества и государства» [4].

Интересно, что для всех перечисленных выше дефиниций характерным является то, что правовая экспертиза рассматривается в качестве разновидности аналитической, исследовательской деятельности, проводимой лицами, которые располагают соответствующей компетенцией. Такая деятельность особенно востребована на уровне государственного управления, поскольку с ее помощью достигаются две вполне конкретные и существенные цели:

— устраняются противоречия между положениями принимаемого нормативно-правового акта и нормами Конституции РФ, действующего законодательства;

— обеспечивается эффективность принимаемого нормативно-правового акта (выявляются пробелы в правовом регулировании, исключаются положения, характеризующиеся двусмысленностью и др.).

Итак, правовая экспертиза — исследование, проводимое в установленном порядке уполномоченными на то субъектами в целях оценки эффективности (качества) готовящегося нормативно-правового акта либо в целях оценки эффективности норм права, содержащихся в действующем нормативно-правовом акте.

Правовая экспертиза выступает в качестве одного из элементов правотворческого (законотворческого) процесса. Необходимость введения обозначенного элемента в правотворческий процесс обусловлена потребностью в принятии таких нормативно-правовых актов, которые соответствовали бы положениям действующего законодательства, а также учитывали уровень развития общественных отношений.

Экспертная деятельность — вид деятельности, осуществляемой лицами, имеющими специальные познания в той или иной области науки, техники, технологии [5]. Проведение правовой экспертизы также предполагает необходимость привлечения для осуществления указанного вида деятельности лица, обладающего специальными познаниями. Совокупность имеющихся у лица знаний, используемых для проведения экспертизы нормативно-правовых актов, должна признаваться достаточной, что позволило бы оценить качество оцениваемого нормативно-правового акта, содержащихся в нём правовых норм. В этом случае проводится оценка тех последствий, которые могут возникать в результате непосредственной реализации норм, содержащихся в соответствующем нормативно-правовом акте.

Особой эффективностью отличается оценочная деятельность, проводимая в отношении разрабатываемого правового акта. В качестве объекта исследования здесь выступает проект правового акта, то есть документ, ещё не вступивший в силу, ранее не применявшийся для урегулирования соответствующих отношений. При установлении факта ошибки или коллизии в проекте правового акта и его дальнейшем устранении исключается возможность возникновения спорных ситуаций в практике правоприменения, предупреждается потенциально возможное нарушение прав и свобод человека. Таким образом, правовая экспертиза помогает на ранних стадиях устранить недоработки, ошибки законодателя; устранить возможные негативные факторы и обстоятельства, связанные с несовершенством положений действующего законодательства.

Перечень действий, совершаемых экспертом, при проведении правовой экспертизы может быть обобщен следующим образом:

1. Оценка правовых норм, содержащихся в положениях проверяемого нормативно-правового акта, проекта правового акта в плане их соответствия действующему законодательству, в том числе нормативно-правовым актам, имеющим высшую юридическую силу. Оценка должна быть проведена и на предмет соответствия однопорядковым нормативно-правовым актам.

2. Сопоставление внутренней согласованности правовых норм, содержащихся в исследуемом нормативно-правовом акте либо проекте такого акта.

3. Выявление положений, на основе которых могут быть созданы условия для развития отношений коррупционной направленности.

4. Проверка порядка оформления проекта нормативно-правового акта на предмет их соответствия установленным требованиям.

5. Определение предложений, адресованных разработчикам проекта нормативно-правового акта, в целях устранения допущенных неточностей и ошибок при разработке указанного акта [6].

Как видим, в результате проведения правовой экспертизы нормативно-правовой акт либо его проект подвергается комплексному исследованию экспертом. В свою очередь эффективность осуществления самой экспертной деятельности будет зависеть от ряда требований. Представляется, что указанная деятельность должна строиться на основе определенных принципов. К числу таких принципов следует отнести:

1. Принцип независимости экспертов, наделенных правом на проведение правовой экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов (прежде всего,

речь идет о независимости указанных лиц от субъектов, вовлеченных в нормотворческую деятельность). В качестве экспертов в общем случае могут выступать ученые, иные специалисты, которые не принимали участия в разработке проекта нормативно-правового акта, а также не состоят в служебных отношениях с субъектами, осуществляющими разработку проекта нормативно-правового акта.

2. Принцип всеобщности. Правовая экспертиза должна проводиться по всем проектам законодательных актов. Кроме того, оценке должны подлежать и проекты подзаконных актов, если нормы указанных актов затрагивают права и свободы человека и гражданина.

3. Принцип профессионализма. Лица, привлеченные для осуществления экспертной деятельности, должны быть признаны экспертами в соответствующей сфере. При этом важной предпосылкой для повышения качества деятельности эксперта в рамках проводимой им правовой экспертизы могут выступать меры ответственности, подлежащие применению к эксперту в результате проведения им некачественной экспертизы. Ответственность экспертов зависит от их правового статуса. В частности, для экспертов, осуществляющих указанную деятельность на профессиональной основе, должна быть установлена дисциплинарная ответственность, а в отношении лиц, для которых деятельность по проведению правовой экспертизы не является профессиональной (трудовой), могут применяться такие меры, как отстранение от совершения аналогичных действий в будущем.

Таким образом, по нашему мнению, повышение качества существующего массива нормативных правовых актов, предупреждение ошибок в проектах вновь разрабатываемых законодательных актов, может быть обеспечено только путем квалифицированной экспертной деятельности, направленной на выявление и устранение дефектов нормативно-правовых актов и их проектов на всех уровнях законотворческого процесса. При этом эффективная правовая экспертиза обязательно подразумевает соблюдение описанных выше принципов всеобщности, профессионализма и независимости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безотосная О. С. Правовая экспертиза нормативно-правового акта как средство повышения эффективности законодательства // Проблемы науки. 2015. № 7 (37). С. 86–94.
2. Губарькова В. Г. Правовая экспертиза нормативных правовых актов: проблемы теории и практики // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 244–246.
3. Гулягин А. Ю. Экспертиза нормативных правовых актов как юридическое средство противодействия коррупции // Юридический мир. 2009. № 12. С. 37–39.
4. Иванец Г. И. Конституционное право России. Энциклопедический словарь. М.: Юрид. лит., 2002. 632 с.
5. Миронов А. Н. Экспертиза проектов нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 32–38.
6. Петренко А. В. Экспертиза как средство оптимизации правового регулирования: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2018. 176 с.

REFERENCES

1. Bezotosnaya O. S. Pravovaya e`kspertiza normativno-pravovogo akta kak sredstvo pov`sheniya e`ffektivnosti zakonodatel`stva // Problemy` nauki. 2015. № 7 (37). S. 86–94.
2. Gubar`kova V. G. Pravovaya e`kspertiza normativny`x pravovy`x aktov: problemy` teorii i praktiki // Molodoj ucheny`j. 2020. № 25 (315). S. 244–246.
3. Gulyagin A. Yu. E`kspertiza normativny`x pravovy`x aktov kak yuridicheskoe sredstvo protivodejstviya korrupcii // Yuridicheskij mir. 2009. № 12. S. 37–39.
4. Ivanecz G. I. Konstitucionnoe pravo Rossii: E`nciklopedicheskij slovar`. M.: Yurid. lit., 2002. 632 s.
5. Mironov A. N. E`kspertiza proektov normativny`x pravovy`x aktov federal`ny`mi organami ispolnitel`noj vlasti // Administrativnoe pravo i process. 2012. № 2. S. 32–38.
6. Petrenko A. V. E`kspertiza kak sredstvo optimizacii pravovogo regulirovaniya: problemy` teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk. Penza, 2018. 176 s.

Pavlova E. S.,

*student, Sochi branch of the All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Dimitrova Ye. A., Cand. Sc. Law,

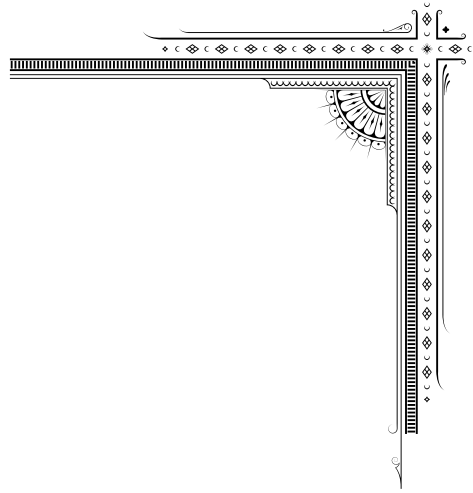
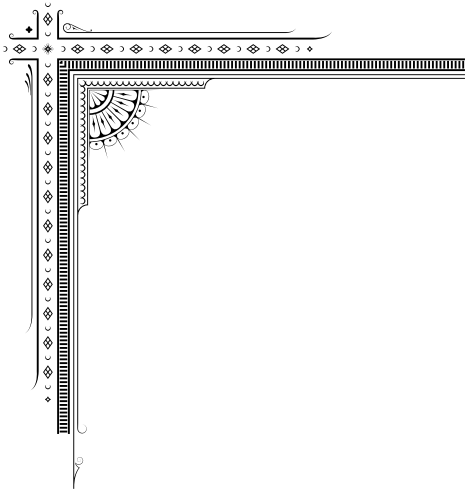
*Assoc. Prof of the Department of Criminal Law and Trial of Sochi branch of the All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

LEGAL EXPERTISE AS A MEANS OF IMPROVING THE QUALITY OF LEGISLATION

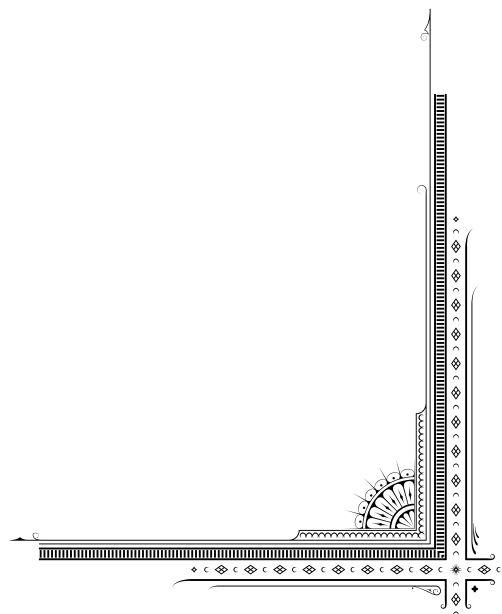
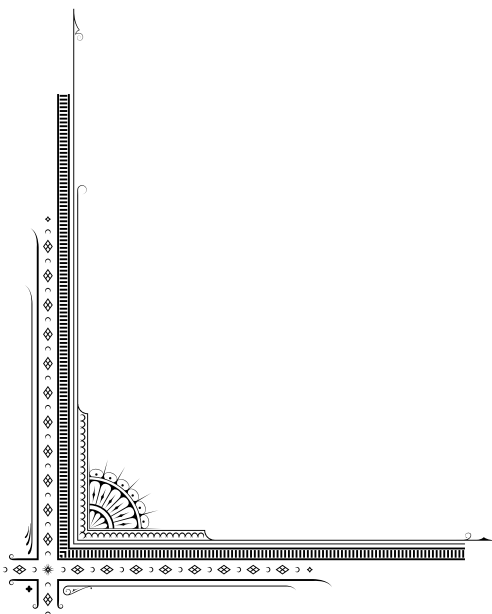
The article defines the importance of legal expertise of normative legal acts, drafts of these acts within the framework of achieving the task of improving the quality of legislation. The author highlights the principles that the activities of experts must comply with in order to recognize the conducted legal expertise as effective and of high quality.

Key words: legal expertise; regulatory legal act; legal regulation.

Секция
**«ЛИНГВИСТИКА, ФИЛОЛОГИЯ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»**

УДК 81'27

Моргунова М. Н.,

доцент кафедры английской филологии
Института филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации Южного федерального университета,
кандидат филологических наук, г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2022

Дата приема:
10.01.2022

Morgunova M. N.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of English Philology,
Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

PROPER NAMES IN MODERN BUSINESS ENGLISH VOCABULARY

(Имена собственные
в современной деловой лексике
английского языка)

В статье рассматриваются семантические и стилистические особенности собственных имен (номенов) в лексике сферы бизнеса современного английского языка. Предлагается семантическая классификация имен на основе номинативных особенностей. Выявляются основные характеристики в плане содержания и выражения, устанавливаются регулярные деривационные модели в пределах выделенных семантических групп. В статье также описываются основные экстралингвистические особенности сферы бизнеса, детерминирующие стилистическую стратификацию исследуемого лексического пласта.

Ключевые слова: номены; номенклатура; имена собственные; эргонимы; план выражения; план содержания; словообразование; полилексемные номинации; эксплицитные наименования; имплицитные наименования; номинативные имена; неноминативные имена.

Proper names are considered to be a special layer within specialist vocabulary. This stratum, which is called nomenclature, claiming to be different from terminology, was first identified at the beginning of the last century by the outstanding Russian linguist G. O. Vinokur [3] and was later developed by A. A. Reformatsky, who succinctly and concisely formulated the main difference between the term and the nomenclature: "Terminology, first of all, is connected with the system of concepts of this science, while the nomenclature only labels its objects" [7, s. 52]. It follows that nomenclature is incalculable and strictly nominative.

Later, the nomenclature goes beyond the boundaries of terminology and becomes an object of independent study in linguistics [8]. There are a number of studies devoted to nomenclature names of various scientific and professional areas [1; 2; 4; 5; 9].

Modern business English vocabulary provides a rich material for studying nomenclature. Such study is absolutely significant for linguists since research into the general and distinctive features of nomenclature has been quite insufficient. The results of the study are both of theoretical and practical value as they can provide linguists with some practical requirements for the standardization of nomenclature and suggest guidelines for distinguishing it from terminology.

The purpose of this article is to study the semantic and stylistic qualities of proper names (nomenclature) in modern business English vocabulary. The particular assignments in this research include:

- 1) analysis of semantic and nominative features of proper names;
- 2) classification of proper names based on their semantic, nominative and stylistic properties;
- 3) analysis of typical word derivation patterns.

The object of the study is proper names in modern business English vocabulary; the subject of the study is their semantic and stylistic properties. The methodology of this research includes observation, description, modeling, semantic analysis, which allow a systematic description and presentation of the linguistic material.

The semantic analysis of commercial names (nomens) reveals the three main semantic groups:

- 1) names of agreements, regulations, legislative acts governing the commercial activities of the relevant institutions and organizations;
- 2) names of banks, commercial organizations, associations, federations, corporations, firms and shops (ergonyms);
- 3) commercial names of manufactured goods and services offered for sale.

Commercial nomens of the first and second groups have entries in the main lexicographic issues focusing on various business areas. The material for our research was selected from “Longman Business English Dictionary” [10] and Adbrands.net reference portal. The names of goods and services were elicited by a continuous sampling method from “Longman Dictionary of English Language and Culture” [11], advertising catalogs and brochures in printed/online media, “Market Leader” course book texts [12; 13].

We shall address the first group of nominations represented by the names of agreements, regulatory rules and legislative acts administering commercial activity. With regard to derivation, we noted the prevalence of multicomponent names:

Code of Banking Practice
Internal Revenue Code
Land Charges Register
European Monetary Agreement
Intra-European Payments Agreement
the Law on Trade Descriptions.

It is absolutely natural that the predominance of polylexemic nominations causes in most cases the formation of initial analogues — acronyms:

Generally Accepted Accounting Principles (GAAP)
Economic Recovery Tax Act (ERTA)
Employee Stock Ownership Plan (ESOP).

The semantics of the nomenclature names of this group is based on two main nominative features:

1) the indication of the document content (*Employment Assistance Program, Central Government Borrowing Requirement, Employee Retirement Income Security, Economic Stabilization Act, General Arrangements to Borrow, etc.*);

2) the indication of the place where the document was signed (*the Hague Rules, Lome Convention, the Maastricht Treaty, etc.*).

The syntactically complex structure of nomens is brought about by the intention to create structurally motivated names. For example, the proper name “*Lome Convention*” (an agreement between the EU countries and some of the poorer countries of Africa, the Caribbean and the Pacific, made in 1975 at Lome) reveals the particular characteristics of the object (content, specific parties to the agreement, time and place of signing the agreement), i. e. it has a direct reference to the object. This close connection of the nomen with the named object, the concreteness and the reflection of its individual qualities suggest that the nomen reflects the nominative-denotative aspect of semantics.

Next, we shall consider the second group of names — ergonyms, which can be further divided into two subgroups, based on their expression and content qualities. The first subgroup includes the names of banks, corporations, associations and federations, represented mostly by verbose structures:

European Bank for Reconstruction and Development (EBRD)
Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC)
Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC)
American Federation of Labor and Confederation of Industrial Organizations (AFLCIO)
American Institute of Certified Public Accountants (AICPA)
European Free Trade Association (EFTA)
International Chamber of Commerce (ICC).

Due to the expanded, multi-component structure, a semantically broad nomination is created, reflecting its unique essential characteristics. Consider the following names, for example: *Department of Trade and Industry (DTI)*, *Commodity Futures Trading Commission (CFTC)*, *Government National Mortgage Association (GNMA)*, *London School of Economics (LSE)*, etc. All these nominations give a clear idea of the functional purpose and nature of the activities performed by the organizations. Apart from functional sense such names can also incur locative component: **London** *Metal Exchange (LME)*, **European** *Central Bank (ECB)*, **American** *Accounting Association (AAA)*.

The second subgroup of ergonyms is represented by the names of firms, companies, stores that produce/sell consumer goods and services. These commercial nomens

are distinguished by a simple, reduced external form. Here are examples: *Coca-Cola*, *Pepsi*, *Microsoft*, *General Electric*, *British Petroleum*, *Harrods*, *Wal-Mart*, *Motorola*, *Malpas*, *Ilford*, etc. Most of the examples from this subgroup are brand names by which we understand “any name of a product, company or service that is widely known and evokes positive associations” [6, s. 1].

The underlying nomination principle enables the following classification:

1) names which reflect the purpose of commercial activities (*Direct Line Insurance*, *Dell computers*, *General Electric*, *British Petroleum*, *Microsoft*, *British Airways*, etc.);

2) family names which reveal the founder of the company (*Mc Donald's*, *Dunlop*, *Ford*, *Singer*, *Ralph Lauren*, etc.);

3) names with “oblique”, “vague” motivation caused by shortened abbreviated presentation (*IBM*<*International Business Machines*, *AT&T*<*American Telephone and Telegraph*, *BP*<*British Petroleum*, etc.);

4) idiomatic names with lost motivation (*Pepsi*, *Motorola*, *Kodak*, *Harrods*, *Walmart*, *Malpas*).

A distinctive feature of the last subgroup is a pronounced tendency to brightness, catchiness and eccentricity (*Timberland*: “forest country” – clothing and shoes for harsh climates; *Reebok* — sportswear and equipment; *Virgin*: “maiden” — aviation services, railway, financial services). The purpose of such names is, first and foremost, to advertise the product and captivate the potential customer.

Numerous brands are family names that cite the inventor: *Biro* (ballpoint pens), *Hoover* (vacuum cleaners), *Gillette* (shaving products), *Kellogg* (dry breakfast), *Singer* (sewing machines), *Pilkington* (sheet glass), *Ford* (cars), etc. These nomenclature nominations can be called proper names only from diachronic viewpoint; in the synchronic plane they have ceased to be proper names, since they relate not to a single, unique object, but to numerous objects of the same type.

The same holds true for the last semantic group of nominations, in particular, names of goods and services. This group turns out to be closely related to brand nominations, since the latter can be used simultaneously as a brand name and as a manufactured product (e. g. *Coca-Cola*, *Kodak*, *Motorola*, *Mars*, etc). The extralinguistic peculiarity of this nomenclature group is as follows: they practically do not lend themselves to inventory, since it is impossible to register all goods that regularly appear and disappear from the market. This, in turn, leads to serious difficulties in their classification. However, even a quick glance at the external form of these lexical units is enough to notice their syntactic “simplicity”, which is quite easy to explain: these names target the majority of common buyers who use these goods and services on regular basis.

The plane of expression in most names of this type is a fairly transparent internal form based on various semantic and motivational features. After analyzing these features the following categories of commercial names were distinguished:

1) informative and explicit names that demonstrate a direct connection between the name and the specific qualities of the product (*Mild Apple Juice* — tender apple juice; *Smooth peanut butter* — soft peanut butter; *Green pitted olives* — green pitted olives; *Shell-on Prawns* — shrimps in shell; *Vanilla Ice Cream* — vanilla ice cream; *Johnson's baby oil* — baby oil, etc.);

2) informative and implicit names that highlight the commercial properties, but indirectly convey the purpose of the product (*Vanilla Dream* — vanilla ice cream; *Soft&Easy* — kitchen towels; *Vanish* — stain remover; *Nuts* — chocolate with nuts; *Adrenaline rush* — energy drink; *Color&Calcium* — nail polish; *Glam Shine* — lip gloss, etc.);

3) informative and tropic names that emphasize the product properties through a metaphor (*Bounty* — chocolate; *Blockbuster* — air corn; *Power Gel* — laundry detergent, etc.);

4) nominative names with a bright image, based on the physical appearance of the product (*Gruesome Greenies* — green little candies with the image of a scary creature; *Kosmostars* — crispy dry cereal in the form of stars, etc.);

5) non-nominative names, based on random obscure associations (*Skittles* — colorful little candies; *Woodhaven* — “timber harbor”: pink dry wine).

Semantic and motivational features of all the names in the above studied four groups make it possible to briefly and informatively convey the main purpose and characteristics of the product, assisting the buyer in the modern market of diverse goods and services. All commercial names, in addition to the indicative-nominative and attractive functions, also perform a specific communicative-pragmatic role, appealing simultaneously to the consumer’s sensual and rational perception.

Next, we shall analyze the extralinguistic features of business as a professional area, which is essential to discuss the functional and stylistic stratification of the vocabulary. Nowadays business is a unique professional area where the participant does not necessarily act as a narrow specialist (for example, an economist or a businessman), but may well be a layman in the broadest interpretation of this phenomenon (for example, a seller or a buyer). Moreover, the participants come from different age groups, have various social and professional background.

It is common knowledge that business communication is characterized by a genre-stylistic variety of written texts and oral speech: e. g. scientific papers, reports, dissertations, theses, lectures, public speeches, negotiations, etc. It is obvious that formality/informality factor inherent in the situation of professional communication, as well as the difference in the level of communicants’ practical training and awareness, will cause the linguistic variability of business vocabulary.

In informal communication the following colloquial names were registered:

- *Jag* (Jaguar);
- *Caddy* (Cadillac);
- *Limo* (Limousine);
- *Ad Alley* — Madison Avenue in New York, where the offices of many advertising agencies are located;
- *the Fed* — the unofficial title of the Federal Reserve Bank;
- *the VATman* — a special department of the British government that collects value added tax (VAT<value -added tax).

Some unofficial names are humorous nicknames built by means of initial abbreviation and affixation:

- *Fannie Mae* — Federal National Mortgage Association;
- *Ginnie Mae* — Government National Mortgage Association;

— *Footsie* — Financial Times-Stock Exchange Index;

Freddie Mac — Federal Home Loan Mortgage Corporation.

As we can see, some names share a common intrinsic quality and external feature: anthropocentric seme and regular derivational model (initial abbreviation and the stylistically marked suffix *-ie*).

We also note the regular word-formation pattern in the following unofficial names:

— *Big Bang* — reorganization of the London Stock Exchange in 1986 (literally “the big bang”);

— *Big Blue* — the nickname of IBM (literally “the blue giant”);

— *Big Board* — New York Stock Exchange (literally “big chamber”).

All unofficial proper names in our study are polylexemic formations of a metaphorical nature. The prevalence of similar derivational model indicates a clear tendency of stylistically marked vocabulary to a systematic plane of content and expression.

The research of business vocabulary leads to the following conclusion: the extralinguistic features of business written and oral communication cause the stylistic division of its vocabulary into two major strata: official commercial nomens and informal (colloquial) names.

It should be noted that the problem of stylistic stratification of special vocabulary is not only of theoretical value, but also of great practical importance, since vocabulary appropriateness in business communication is crucial in ensuring the adequacy and perception of information. Ignoring stylistic connotations may reveal low professional training which in turn can lead to negotiations failure, e. g. incorrectly written advertisement (both grammatically and stylistically) is likely to cause the effect opposite to the desired one. On the other hand, accurate and infallible command of the appropriate vocabulary with precise semantic and stylistic connotations may guarantee successful business communication.

In conclusion, our study revealed the following results: proper names in modern business vocabulary are a heterogeneous set of commercial nomens lending themselves to certain semantic and stylistic classifications. The studied examples clearly demonstrate the uniqueness of their external and internal qualities and confirm the necessity to distinguish nomenclature as a special layer within specialist vocabulary.

REFERENCES:

1. Bereznikova R. E. Lingvisticheskiy analiz naimenovaniy lekarstvennykh sredstv. AKD, Kursk, 1975. — 27 s.
2. Bobyreva N. N. Tipologiya imennykh obrazovaniy v sportivnom diskurse. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4. S. 64–70.
3. Vinokur G. O. O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoi tekhnicheskoi terminologii // Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. M., 1939. T. 5. S. 3–54.
4. Evsyukova T. V., Magnitskaya E. Yu. Terminologicheskaya leksika i nomenclaturnye edinytsy v ekonomicheskom diskurse. Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2009, № 2. S. 91–99.
5. Eremina S. V., Zagnukhina N. A., Dymnich A. S. Nomenclature of biology. Organizatsiya samostoyatel'noi raboty studentov po inostrannym yazykam. Sara-

- tovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet imeni N. G. Chernyshevskogo. 2020. № 3. S. 43–48.
6. Medvedeva A. A. Freimovoe prostranstvo angliiskikh brendovykh nominatsii i ego leksikograficheskoe predstavlenie. AKD, Rostov-na-Donu, 2012. — 22 с.
 7. Reformatskii A. A. Chto takoe termin i terminologiya // Voprosy terminologii (Materialy Vsesoyuznogo terminologicheskogo soveshchaniya). M., 1961. S. 51–54.
 8. Shelov S. D., Leichik V., M. Nomenklturnye naimenovaniya kak klass nauchno-tekhnicheskoi leksiki. Sostav i funktsii. Sankt-Peterburg, 2007. — 80 s.
 9. Jeffrey C. Biological Nomenclature. Second edition / Per. s angl. kand. biol. nauk E. B. Alekseeva; Pod red. kand. biol. nauk M. V. Miny. M.: Mir, 1980. — 120 s.
 10. Longman Business English Dictionary. Pearson, 2008. — 594 p.
 11. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 2005. — 1620 p.
 12. Market Leader. Business English Course book. Intermediate, Pearson, 2010. — 176 p.
 13. Market Leader. Business English Course book. Upper-Intermediate, Pearson, 2012. — 173 p.

Morgunova M. N.,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of English Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

PROPER NAMES IN MODERN BUSINESS ENGLISH VOCABULARY

The article discusses semantic and stylistic features of proper names (nomens) in modern business English vocabulary. A semantic classification based on particular nominative characteristics of nomens is offered. The study reveals characteristic semantic and word-derivation features of nomens identified within each nominative group. The research also highlights unique extralinguistic features of business that determine stylistic differentiation of proper names.

Key words: nomens; nomenclature; proper names; ergonyms; expression plane; content plane; word-derivation; polylexemic nominations; explicit names; implicit names; nominative names; non-nominative names.

УДК 81'28

Винник Е. И.,
доцент кафедры английской филологии
Института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
кандидат филологических наук, г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2022

Дата приема:
07.12.2021

Хнаева В. А.,
магистрант кафедры «Русский язык как иностранный
в кросс-культурном пространстве»
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
(на материале современной
англоязычной биографической прозы)

Объектом исследования в контексте данной работы является категория эмотивности, выраженная в автобиографическом тексте, посвященном образовательному процессу. В качестве предмета исследования выступают коммуникативно-прагматические и лексические особенности реализации эмоций в художественном тексте в вербальном коммуникативном поведении повествователя с точки зрения гендерных особенностей. Актуальность темы обусловлена новизной и популярностью гендерной лингвистики как науки. Теоретическая значимость работы заключается в том, что исследование может способствовать дальнейшей разработке гендерной теории эмоций, исследованию отражения эмоций в различных литературных жанрах.

Ключевые слова: гендер; гендерлект; маскулинность; феминность; гендерные роли; автобиография; эмотивность; эмотиология; эмоции.

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе была исследована гендерная специфика речевой реализации эмоций в образовательном коммуникативном пространстве на материале британской биографической прозы XX века, а именно: в автобиографиях Веры Бриттен «Заветы юности» («Testament of youth») и Стивена Фрая «Моав — умывальная чаша моя» («Moab is my washpot»). Цель исследования состоит в изуче-

нии особенностей языкового выражения эмоционального состояния у автора-женщины и автора-мужчины при передаче отношения к образовательному процессу. Материал автобиографии был выбран не случайно, так как именно в данном литературном жанре мы можем проследить особенности гендерлекта автора.

МАТЕРИАЛ

Непосредственно материалом исследования послужили тексты биографической прозы XX века на английском языке общим объемом 976 страниц — авторов Веры Бриттен «Testament of youth» (1933) и Стивена Фрая «Moab is my washpot» (1997). Данный выбор обусловлен следующими факторами: во-первых, высокой степенью эмоциональности в тексте; во-вторых, выбором преимущественно текстов в жанре автобиографии, что позволило представить особенности репрезентации эмоций в наиболее близкой к реальности форме общения. Объем картотеки выборки составил 2713 манифестаций.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При написании работы и анализе материала использовались методы, включающие анализ теоретической литературы по проблеме исследования, а также анализ британской автобиографической прозы автора-женщины и автора-мужчины и дефиниционный анализ современных гендерных концепций. Также применялись метод сплошной выборки и описательный метод в совокупности с приемами лингвистического наблюдения, сравнения, классификации и интерпретации.

ДЕФИНИЦИИ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ

Перед непосредственным рассмотрением художественных текстов как области реализации эмоций в образовательном коммуникативном пространстве необходимо выявить базовые понятия эмотиологии и лингвогендерологии, затронутые в данной работе.

Так, *гендер* представляет собой широкое понятие, обладающее распространенным семантическим полем. Большинство исследователей трактуют гендер как некую совокупность реакций, приписываемых обществом мужчинам и женщинам, различающихся в зависимости от пола. Также следует отметить, что гендер подвержен изменению в ходе исторического развития общества [4, с. 65]. Таким образом, гендер является социокультурным отражением пола.

При изучении гендера в рамках лингвистики необходимо упомянуть понятие «гендерлект». *Гендерлект* представляется как некий набор признаков и реакций мужского или женского коммуникативного акта. Говорящий, как правило, под воздействием каких-либо обстоятельств может переходить от одного гендерлекта к другому. Исходя из этого следует, что гендерлект говорящего зависит от среды общения или адресата речи [5, с. 195–200].

В данной работе приоритет отдается гендерологическому направлению, рассматривающему закрепленные в языковом пространстве стереотипы феминности и маскулинности, то есть противопоставлению мужской и женской картины мира с социально-культурной точки зрения.

Для современной лингвистики изучение особенностей выражения эмоций в художественном тексте является важным аспектом. Эмотиология представляет собой науку, которая изучает лингвистику эмоций, специфику их выражения в речи и влияние, производимое эмоциональными приемами на коммуникантов [6, с. 6]. Категория эмотивности всегда сопутствует речевому акту и во всех языках представлена на всех уровнях языковой системы. Рассматривая особенности эмотиологии и анализируя способы выражения эмоций в художественном тексте, можно выделить особенности языка и социальной структуры общества.

В качестве основы анализа коммуникативного акта в данной работе были выбраны способ классификации эмоций, предложенный А. Вежбицкой и в качестве отдельной категории, выделены эмотивы-дейксисы, в рамках подхода, выработанного З. З. Исхаковой. Таким образом, для изучения особенностей гендерного выражения эмоций коммуникативные акты в произведениях классифицировались согласно следующим категориям:

- эмоции, имеющие негативную окраску;
- эмоциональная лексика, связанная с положительными эмоциями;
- эмоциональные слова, обозначающие ситуации, когда люди совершают плохие поступки;
- слова, выражающие мнение наблюдателя;
- слова, выражающие мнение говорящего;
- эмоциональные концепты, подразумевающие самоанализ [2, с. 326–379];
- эмотивы-символы;
- эмотивы-индексы;
- эмотивы-образы [3, с. 70–73].

Упомянутые категории рассматриваются в данной работе на примере автобиографий автора-мужчины и автора-женщины. Автобиография является литературно-прозаическим жанром, в котором находит отражение художественное описание автором его жизни, собственного опыта и размышлений. Отличительная черта автобиографии — личностно-ориентированность [1].

ДИСКУССИЯ

В качестве примеров при рассмотрении гендерных особенностей реализации эмоций в образовательном коммуникативном пространстве были выбраны автобиографии таких британских писателей, как Вера Бриттен и Стивен Фрай.

Вера Бриттен (1893–1970) — английская писательница, известная как влиятельная феминистка и пацифистка. Славу ей принес автобиографический роман «Testament of youth» (1933), в котором она от первого лица повествует о жизни женщин в тылу во время Первой мировой войны. Карьера писателя и полити-

ческая деятельность взаимодополняли друг друга в творчестве Веры Бриттен. В своих произведениях она высказывала личное негативное мнение относительно военных действий и выражала критику в адрес современного ей общества, которое принижало роль женщин во всех сферах [10].

Стивен Фрай наиболее известен как британский актер, создатель комедийного телесериала «A Bit of Fry and Laurie». Однако, нельзя не отметить вклад Стивена Фрая в литературу. В 1997 году выходит в свет его автобиография «Moab is my washpot». И в 2010 году С. Фрай награждается British Book Awards — Autobiography of the Year [9]. Отличительной чертой автобиографий Стивена Фрая является высмеивание национальных стереотипов Англии. Автор не стремится показать себя и окружавшую его действительность в лучшем свете. Он не дает положительной или отрицательной оценки описываемым событиям, мы видим его жизнь, процесс получения им образования, его отношения с отцом, факторы, повлиявшие на судьбу и жизнь автора, такими, какими они были в действительности.

Анализ коммуникативного пространства автобиографии английской писательницы, феминистки и пацифистки Веры Бриттен «Заветы юности», опубликованный в 1933 году (1131 манифестация), показал, что в тексте романа преобладают эмоции, **имеющие негативную окраску** (363 прецедента). В большем количестве негативные манифестации присутствуют при описании школы-интерната для девочек Святой Моники. Автор выражает негодование относительно пренебрежительного отношения к образовательному процессу со стороны как воспитателей, так и воспитанниц школы. Демонстрируя отношение к превалирующему в школе мнению по поводу образования и роли женщины в обществе, Вера Бриттен отмечает *“I probably minded dreadfully at the time”* [7, с. 35].

Эмоциональная лексика, **связанная с положительными эмоциями** (281 случай), в основном используется при описании периода учебы и жизни в Оксфорде *“I spent my first few weeks at Somerville in a state of exhilaration, ‘half-delightful, half-disturbing, wholly exciting”* [7, с. 92].

Эмоциональные слова, обозначающие ситуации, когда люди совершают плохие поступки (76 манифестаций), и слова, **выражающие мнение наблюдателя** (45 манифестаций), в основном используются при передаче отношения отца, родственников и друзей семьи к желанию Веры поступить в Оксфорд. Так как женщины, как правило, не обучались в университетах, идея Веры была воспринята с удивлением и насмешкой: *“When my father discovered this exercise of initiative, his wrath and anxiety reached the point of effervescence”* [7, с. 84].

Эмоциональные концепты, **подразумевающие самоанализ, как и слова, выражающие мнение говорящего**, занимают значительное место в тексте автобиографии (87 прецедентов), что объясняется особенностями жанра. Мнение говорящего — Веры Бриттен — в основном её оценка преподавателей или девочек, которые учатся вместе с ней: *“Sir John remains and always will remain the kindly, stimulating teacher in whose genial presence obstacles hitherto insuperable melted away like snow in April”* [7, с. 55].

Среди **эмотивных дейксисов** наиболее часто употребляются **эмотивы-индексы** (180 элементов). В основном к ним относятся наречия, усиливающие эмоциональность прилагательного: *very, much more, little, extremely*. **Эмотивы-символы** составляют 7% текста (92 манифестации) — “*Little girls’ must allow their elders to know what was best for them*” [7, с. 48]. Наименьшую часть автобиографии составляют **эмотивы-образы** (26 элементов) — “*God tempers the wind to the shorn lamb*” [7, с. 67], текст не имеет скрытых смыслов и не символичен. Автор прямо высказывает свое мнение, в основном сравнение и эпитет используются для того, чтобы более подробно передать отношение Веры к людям, которые её окружали. Числовые и процентные данные репрезентации эмоций в тексте романа продемонстрированы в табл. 1.

Таблица 1

ЧИСЛОВЫЕ И ПРОЦЕНТНЫЕ ДАННЫЕ
 РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТЕ АВТОБИОГРАФИИ ВЕРЫ БРИТТЕН
 «TESTAMENT OF YOUTH» (1933)

Категория коммуникативных актов	Доля от текста произведения, в %	Количество манифестаций
Эмотивы-индексы	14	180
Эмотивы-символы	7,36	92
Эмоциональные концепты, подразумевающие самоанализ	12	161
Слова, выражающие мнение говорящего	6,64	87
Слова, выражающие мнение наблюдателя	3	45
Эмоциональные слова, обозначающие ситуации, когда индивид совершает плохой, неодобряемый обществом поступок	6	76
Эмоциональная лексика, связанная с положительными эмоциями	21	281
Эмоции, имеющие негативную окраску	28	363
Эмотивы-образы	2	26

Анализ коммуникативного пространства автобиографии Стивена Фрая (1402 манифестации) показал, что в тексте преобладают **эмотивы-индексы** (228 элементов) и **эмотивы-символы** (267 манифестаций). Большую часть эмотивов-индексов составляют сочетания дейктика “I” со словами, выражающими ассоциативно-эмотивную лексику: “*I admire such a reluctance of course, and am proud of it...*”, “*I used to think I hated living there, but throughout all my years of rebellion, ostracism and madness I always carried a photograph of the house with me*” [8, с. 174; с. 178; с. 303]. Это указывает на эгоцентричность языка повествователя. Кроме того,

большое внимание в работе уделяется самоанализу. **Эмоциональные концепты, подразумевающие анализ действий автора**, составляют 12% текста. В основном они представлены в главах, где автор, вспоминая о прошлом, проводит параллели с настоящим и размышляет о том, какие ситуации, произошедшие с ним в Аппингеме, повлияли на его взрослую жизнь: *"I think it safe to say that I would have been a fucked up youth had I been given a secondary modern, comprehensive or grammar school education"* [8, с. 23].

Группу **эмотивов-символов** (267 манифестаций) в основном составляют слова, которые относятся к ненормативной лексике. Мы можем сказать, что автор не боялся быть отвергнутым и непонятым из-за обилия табуированных выражений.

Эмоциональная лексика, связанная с **положительными эмоциями** (235 манифестаций) употребляется чаще, чем имеющая негативную окраску (203 манифестации).

Негативно-окрашенные слова по большей части, как и лексика, обозначающая ситуации, когда люди совершают плохие поступки (102 манифестации), относятся к описанию телесных наказаний в школе, отношений между героем и его отцом, поведения Стивена Фрая в школе, а именно его склонность к воровству и нежелание учиться, которое вплоть до колледжа присутствовало в его жизни: *"... he was the first to be sent away and might reasonably be expected to have felt the greater sense of abandonment, there being no elder in whose footsteps he might follow"* [8, с. 23].

Лексика, имеющая положительные коннотации, используется для описания преподавателей и отношений с сестрой. Сестра Стивена Фрая не смогла получить должного образования, так как для девочек это не являлось обязательным: *"Jo, my adorable sister, wasn't sent away at all, as girls weren't by then. She was fairly fucked up as a teenager but arguably because of the very fact that she didn't go to boarding school"* [8, с. 23].

Слова, выражающие мнение говорящего (93 элемента), как правило, присутствуют при описании образовательного процесса или внешности других мальчиков в школе: *"Private education may be a divisive abomination, it may leave its product weird and ridiculous in all kinds of insanitary and peculiar ways, it may have held back the social development of this country, it may be responsible for all kinds of disasters and unpleasantnesses, but in my case it never left me feeling starved of parental love and attention"* [8, с. 23].

В силу того, что автор не может корректно и достоверно передать размышления другого человека, наименьшую часть текста автобиографии составляют **слова, выражающие мнение наблюдателя** (29 манифестаций).

Следует отметить символичность текста. **Эмотивы-образы** составляют 9% текста автобиографии (137 манифестаций). Автор часто использует различные эмоционально окрашенные фразеологизмы и тропы: *"Bones mend and become actually stronger in the very place they were broken and where they have knitted up; mental wounds can grind and ooze for decades and be re-opened by the quietest whisper"* [8, с. 105].

Числовые и процентные данные репрезентации эмоций в тексте автобиографического романа продемонстрированы в табл. 2.

Таблица 2

ЧИСЛОВЫЕ И ПРОЦЕНТНЫЕ ДАННЫЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТЕ АВТОБИОГРАФИИ СТИВЕНА ФРАЯ
«MOAB IS MY WASHPOT» (1997)

Категория коммуникативных актов	Доля от текста произведения, в %	Количество манифестаций
Эмотивы-индексы	15	228
Эмотивы-символы	19	267
Эмоциональные концепты, подразумевающие самоанализ	12	180
Слова, выражающие мнение говорящего	6	93
Слова, выражающие мнение наблюдателя	2	29
Эмоциональные слова, обозначающие ситуации, когда индивид совершает плохой, неодобряемый обществом поступок	7	102
Эмоциональная лексика, связанная с положительными эмоциями	16	235
Эмоции, имеющие негативную окраску	14	203
Эмотивы-образы	9	137

ВЫВОДЫ

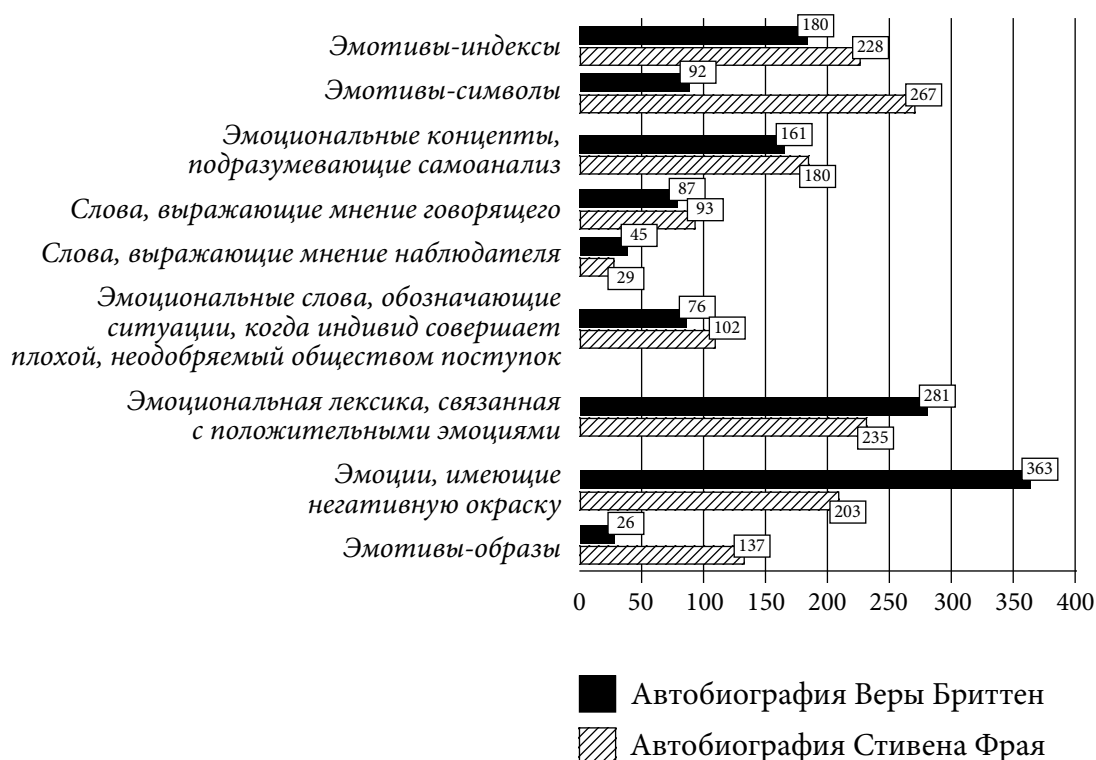
Таким образом, мы видим, что мужской и женский гендерлекты значительно различаются в эмоциональном коммуникативном пространстве.

Различия обусловлены в первую очередь разницей в воспитании женщин и мужчин. Тот факт, что женское образование считалось неприемлемым до начала XIX века, привел к формированию у женщин иной, отличной от мужской языковой картины мира.

Как следствие, мы можем отметить, что в автобиографии Веры Бриттен преобладают эмоции, имеющие негативную окраску. Это связано с большим количеством испытаний, которые ей, как женщине, были уготованы судьбой, когда она пыталась добиться права поступить в Оксфорд. В свою очередь, в тексте автобиографии Стивена Фрая преобладает эмоциональная лексика, связанная с положительными эмоциями, а также эмотивы-символы, что является характерными особенностями речи автора. Значительную часть группы эмотивов-символов составляет класс ненормативной лексики, который полностью отсутствует в тексте автобиографии Веры Бриттен. Даже в современном мире мы с трудом можем себе представить произведение, созданное женщиной, в котором более 20% текста формировали бы табуированные слова. Также женский гендерлект отличается

фактически полным отсутствием тропов и элементов образной выразительности — всего лишь 2% текста, в то время как в гендерлекте автора-мужчины коннотативы с номинативными значениями составляют 9% текста. Сравнительная характеристика коммуникативного пространства автобиографий представлена на приведенной ниже диаграмме.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА АВТОБИОГРАФИЙ СТИВЕНА ФРАЯ И ВЕРЫ БРИТТЕН

Данная исследовательская работа подтвердила наличие гендерной специфики языкового выражения эмоционального состояния, в частности при передаче отношения к образовательному процессу у автора-женщины и автора-мужчины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: <https://bigenc.ru/literature/text/1799152> (дата обращения: 07.11.2021).
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1966. С. 326–379.
3. Исхакова З. З. Дейксис и его тесная связь с эмотивностью // Вестник Челябинского государственного университета. № 8 (223). 2011. С. 70–73.
4. Надобко Ю. В. К вопросу о проявлении гендерности в мужском и женском речевом поведении // Языкознание. № 2 (21). 2010. С. 65–70.

5. Потапова Т. М. К вопросу о лингвистическом аспекте гендерных исследований (на материале русской оценочной лексики) // Вестник СПбГУ. № 3. 2010. С. 195–200.
6. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. М.: Гнозис, 2008. — 416 с.
7. Brittain, V. Testament of youth. Vigaro Press, 1978. — 612 p.
8. Fry S. Moab is my washpot. Arrow Books Ltd, New ed., 2004. — 388 p.
9. Peoples.ru: [сайт]. Стивен Фрай. Эталон английского духа, 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/fry/> (дата обращения: 07.11.2021).
10. Poetry Foundation / Vera Mary Brittain, 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.poetryfoundation.org/poets/vera-mary-brittain> (дата обращения: 11.03.2019).

REFERENCES

1. Bol'shaya Rossijskaya e`nciklopediya [E`lektronny`j resurs] // URL: <https://bigenc.ru/literature/text/1799152> (data obrashheniya: 07.11.2021).
2. Vezhbiczkaya A. Yazy`k. Kul`tura. Poznanie. M.: Russkie slovari, 1966. S. 326–379.
3. Isxakova Z. Z. Dejksis i ego tesnaya svyaz` s e`motivnost`yu // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 8 (223). 2011. S. 70–73.
4. Nadobko Yu. V. K voprosu o proyavlenii gendernosti v muzhskom i zhenskom rechevom povedenii // Yazy`koznanie. № 2 (21). 2010. S. 65–70.
5. Potapova T. M. K voprosu o lingvisticheskom aspekte genderny`x issledovanij (na materiale russoj ocenочноj leksiki) // Vestnik SPbGU. № 3. 2010. S. 195–200.
6. Shaxovskij V. I. Lingvisticheskaya teoriya e`mocij / V. I. Shaxovskij. M.: Gnozis, 2008. — 416 s.
7. Brittain, V. Testament of youth. Vigaro Press, 1978. — 612 p.
8. Fry S. Moab is my washpot. Arrow Books Ltd, New ed., 2004. — 388 p.
9. Peoples.ru: [сайт]. Стивен Фрай. Эталон английского духа, 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/fry/> (data obrashheniya: 07.11.2021).
10. Poetry Foundation / Vera Mary Brittain, 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.poetryfoundation.org/poets/vera-mary-brittain> (data obrashheniya: 11.03.2019).

Vinnik Evgeniya I.,

*Associate Professor of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Ph. D. in Philology, Rostov-on-Don, Russia*

Khnaeva Viktoriia A.,

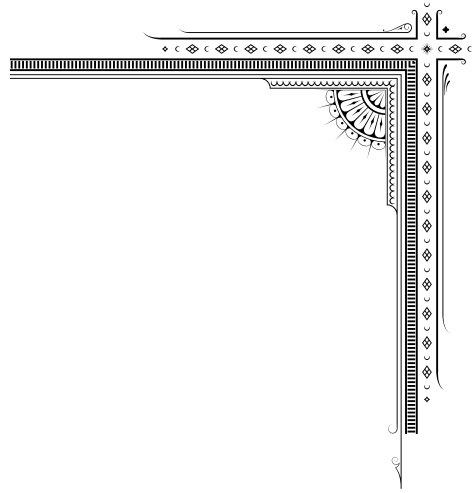
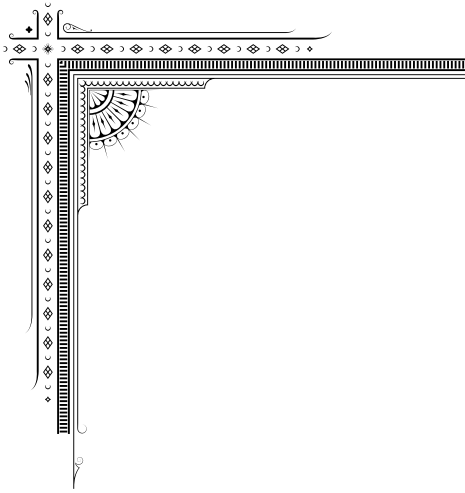
*Master's Degree Student of the Russian Language
for Foreign Students Department, Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

GENDER SPECIFICATION OF THE EMOTIONAL EXPRESSIONS IN SPEECH
IN THE EDUCATIONAL COMMUNICATIVE SPACE
(BASED ON THE MATERIAL OF THE MODERN ENGLISH BIOGRAPHICAL PROSE)

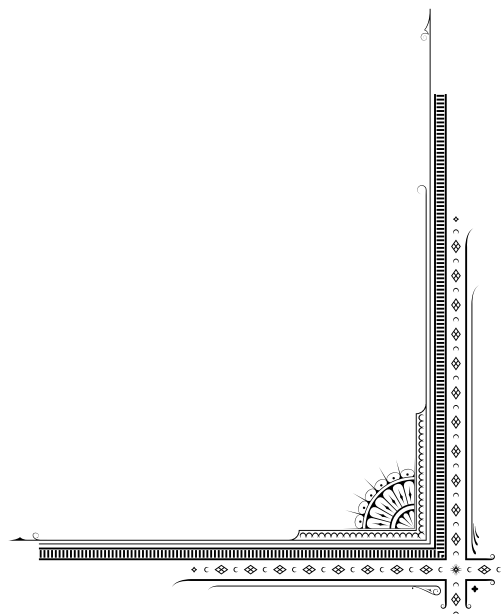
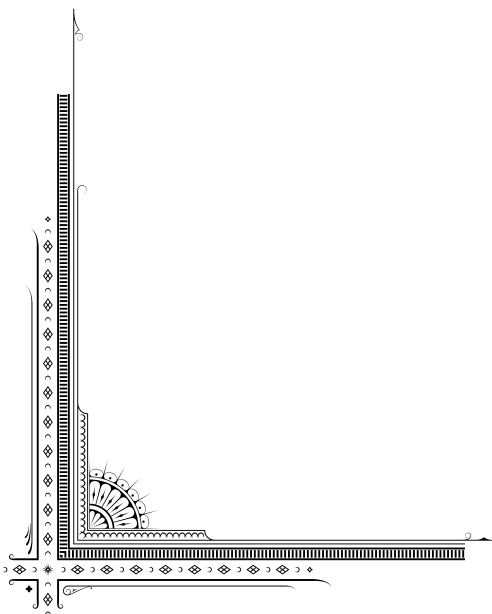
Gender specification of the emotional expressions in speech in the educational communicative space is considered. The scope of the study is to analyze gender- communicative and lexical features used in the process of the manifestation of emotions in autobiographies. The study is relevant due to the novelty and popularity of the gender linguistics. The results of the study can be applied in the further development of the gender-based emotions theory and in the realization of emotions in other literary genres..

Key words: gender; genderlect; masculinity; femininity; gender roles; autobiography; emotivity; emotiology; emotions.

Секция
**«ПРИКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»**

УДК 343.13

Клименко И. В.,

генеральный директор АНО «Судебное экспертное бюро»,
вице-президент саморегулируемой организации
«Союз "Федерация Специалистов Оценщиков"»,
г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2022

Дата приема:
10.01.2022

Сячина Е. Б.,

практикующий юрист в сфере гражданско-правовых отношений,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Сергиенко Р. И.,

практикующий юрист, г. Ростов-на-Дону, Россия

О НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ

В статье рассматривается пример коллизии в сфере государственного регулирования оценочной деятельности. В частности, авторы обосновывают необходимость всестороннего анализа возможности реализации распоряжения Правительства РФ от 16.11.2021 г. № 3214-р «Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» в судебной практике. Основываясь на парадигме разделения компетенций ветвей власти (исполнительной, судебной, законодательной), содержащейся в Конституции РФ, авторы наглядно показывают, что решения исполнительной власти в России время от времени вторгаются в неподконтрольную ей область судебного процесса. При этом пути выхода из подобных коллизионных кризисов авторы видят в совершенствовании законодательной базы, на которой основана деятельность экспертов-оценщиков, но обязательно в рамках существующей нормотворческой субординации.

Ключевые слова: оценка собственности; оценочная деятельность; саморегулируемые организации; регулирование экспертной оценочной деятельности; коллизия правоприменения.

Эволюция хозяйственно-экономических отношений в рамках социального прогресса ведет к дальнейшему развитию и усложнению правовых отношений, включая и их процессуальный аспект. Для своевременного отслеживания и корректного реагирования на изменение экономической ситуации в любой конкретный момент времени государство должно быть способно оперативно адаптировать деятельность своих институтов к новым экономическим реалиям, что предполагает совершенствование и актуализацию соответствующей нормативно-правовой базы.

В рамках существующей парадигмы разделения властей функция исполнительной ветви власти предполагает комплекс определенных управленческих действий в соответствии с действующей законодательной базой. Задачами же судебной ветви является отправление правосудия как особой формы правоприменения и охраны положений законодательства.

Такой подход к пониманию функционирования всех ветвей власти вытекает из положений Конституции Российской Федерации и находит свое отражение как в федеральных законах, так и в юридической науке. Однако в условиях отечественной правоприменительной практики нередко можно наблюдать различные варианты смешения или подмены функций одних ветвей государственной власти другими.

Примером подобного явления, в частности, выступает распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 г. № 3214-р «Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями». Указанный документ содержит в себе положения, регламентирующие деятельность судов Российской Федерации в обход действующих федеральных законов — № 73-ФЗ от 31.05.2011 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» и № 237-ФЗ от 03.08.2016 г. «О государственной кадастровой оценке».

Парадоксальность ситуации заключается в том, что, имея законную возможность к установлению отдельного перечня экспертиз, подведомственных исключительно государственным судебно-экспертным организациям, правительство в то же время не располагает полномочиями регламентировать деятельность судов в части применения ими специального законодательства.

Так, в соответствии с действующим в Российской Федерации процессуальным законодательством судебная экспертиза назначается при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла.

Деятельность экспертов, помимо процессуального законодательства, регулируется Федеральным законом от 31.05.2011 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Согласно ст. 41 указанного закона, судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. При этом на судебно-экспертную деятельность таких лиц распространяется действие норм закона о задачах, правовой основе и принципах судебно-экспертной деятельности, соблюдении прав и свобод человека, независимости экспертов, объективности, всесторонности и полноты исследований, прав

и обязанностей эксперта, присутствии участников процесса при производстве экспертизы, требованиях к экспертному заключению.

Согласно части 3 ст. 41 указанного закона, внесенной № 273-ФЗ от 01.07.2021 г., вступившим в силу с даты его официального опубликования, Правительство РФ может устанавливать перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями.

Такой перечень был утвержден распоряжением Правительства РФ № 3214-р от 16.11.2021 г. Согласно приложению к данному распоряжению, исключительно государственными судебно-экспертными организациями проводятся судебные экспертизы по определению рыночной стоимости объектов недвижимого имущества и объектов землеустройства в рамках оспаривания или установления кадастровой стоимости — строительно-технические или землеустроительные экспертизы.

Согласно приказу Министерства юстиции РФ № 237 от 27.12.2012 г. «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России», строительно-техническая экспертиза представляет собой исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью определения их стоимости. При этом легальное определение землеустроительной экспертизы в законодательстве отсутствует.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 18.06.2001 г. № 78-ФЗ, землеустройство — это мероприятия по изучению состояния земель, планированию и организации рационального использования земель и их охраны, описанию местоположения и (или) установлению на местности границ объектов землеустройства, организации рационального использования гражданами и юридическими лицами земельных участков.

В связи с изданием Правительством РФ распоряжения № 3214-р от 16.11.2021 г. возникает вопрос о том, возможно ли в рамках строительно-технической или землеустроительной экспертизы определить рыночную стоимость объектов недвижимости при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости?

В соответствии со ст. 13 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», эксперт в государственных судебно-экспертных учреждениях — лицо, имеющее высшее образование и получившее дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа. Требование о наличии высшего профессионального образования установлено также квалификационными характеристиками должностей специалистов, осуществляющих работы в области судебной экспертизы, утвержденными приказом Минздравсоцразвития РФ от 16.05.2012 г. № 550 н.

Таким образом, исходя из буквального наименования видов экспертиз, строительно-технический и землеустроительный эксперт должен обладать высшим образованием в области строительства или землеустройства (по специальности «Строительство» (08.03.01) и «Землеустройство и кадастры» (21.03.02) в соответствии с Перечнем направлений подготовки высшего образования, утвержденным приказом Минобрнауки РФ № 1061 от 12.09.2013 г.).

Аналогичный подход использован в Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих, согласно которому работники, занятые строительно-технической экспертизой, должны иметь высшее профессиональное образование по специальности «Строительство», «Промышленное и гражданское строительство», «Производство строительных материалов, изделий и конструкций» (приказ Минздравсоцразвития РФ № 188 от 23.04.2008 г.).

В судебной практике строительно-технические экспертизы назначаются для определения качества строительства, технических характеристик и качества строительных материалов и комплектующих, соответствия объекта проектно-строительной документации, соответствия объекта требованиям строительных норм и правил, установления соответствия сметной документации фактически выполненным объемам работ и услуг, оценки заявленных и фактических сметных расходов на материалы, проверки смет на наличие необоснованных затрат на оплату труда, командировки, транспортные услуги и т. п.

В ходе строительно-технических экспертиз также может производиться и определение отдельных стоимостей: например, стоимости выполненных работ (отдельно по качественно и некачественно выполненным работам) — арбитражное дело №А40–17687/2020; стоимости ремонтно-восстановительных работ — арбитражное дело №А43–42058/2019; определения остаточной стоимости имущества — арбитражное дело №А32–49343/2017). Определение указанных видов стоимости входит в компетенцию лиц, имеющих строительно-техническое образование.

Землеустроительные экспертизы в судебной практике назначаются для определения соответствия границ/площадей земельного участка правоустанавливающим документам, наложения границ смежных земельных участков, разработки вариантов раздела либо определения порядка пользования земельным участком, подготовки вариантов установления сервитутных зон, определения наличия реестровых ошибок и т. д. Определение каких-либо стоимостей в рамках землеустроительных экспертиз не проводится.

Оценка рыночной стоимости — отдельный вид деятельности, который регулируется Федеральным законом «Об оценочной деятельности в РФ» от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ (далее — № 135-ФЗ)

Согласно абзацу 1 статьи 3 указанного закона под оценочной деятельностью понимается профессиональная деятельность субъектов оценочной деятельности, направленная на установление в отношении объектов оценки рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной предусмотренной федеральными стандартами оценки стоимости.

Под рыночной стоимостью объекта оценки понимается наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства.

В соответствии со ст. 12 № 135-ФЗ итоговая величина рыночной или иной стоимости объекта оценки, указанная в отчете, составленном по основаниям и в порядке, которые предусмотрены настоящим федеральным законом, признается

достоверной и рекомендуемой для целей совершения сделки с объектом оценки, если в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, или в судебном порядке не установлено иное.

В соответствии с абзацем 2 статьи 9 № 135-ФЗ, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, оценка объекта оценки, в том числе повторная, может быть проведена оценщиком на основании определения суда, арбитражного суда, третейского суда, а также по решению уполномоченного органа.

Исходя из системного толкования вышеупомянутых положений законодательства вопрос о рыночной стоимости того или иного объекта должен разрешаться с учетом положений Закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Положения этого Закона устанавливают принципы, условия и стандарты осуществления оценочной деятельности, а также требования к образованию и квалификации специалистов в области оценки, обеспечивающие достоверность результатов деятельности по определению стоимости объектов.

Согласно ст. 4, 21, 21.1 указанного закона, оценщики — это лица, имеющие высшее образование в области оценочной деятельности, сдавшие квалификационные экзамены, являющиеся членами одной из саморегулируемых организаций оценщиков и застраховавшие свою ответственность в соответствии с требованиями настоящего федерального закона.

Таким образом, осуществление оценки рыночной стоимости объектов недвижимости специалистами в области строительства и землеустройства невозможно, а оценочные экспертизы по определению рыночной стоимости объектов недвижимости по своему содержанию и правовому регулированию не равны стоимостным экспертизам, осуществляемым строительно-техническими экспертами.

Косвенным образом подтверждением этому может служить уточнение легального определения судебной строительно-технической экспертизы, содержащееся в приказе Минюста РФ № 237 от 27.12.2012 г.: в 2018 году формулировка «исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью проведения их оценки» была заменена на формулировку «исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью определения их стоимости».

Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ, утвержденный Приказом МВД России № 511 от 29.06.2005 г., не содержит указаний на то, что в рамках строительно-технических экспертиз может определяться какая-либо стоимость либо проводиться оценка, а землеустроительные экспертизы в данном перечне вообще отсутствуют.

В любом случае указанные перечни не являются закрытыми и не предполагают невозможность проведения в рамках гражданских, административных и уголовных дел назначать иные экспертизы для разрешения вопросов, требующих специальных познаний.

Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости суды в подавляющем большинстве случаев назначают судебные оценочные экс-

пертизы, поручая их проведение лицам, имеющим высшее образование в области оценочной деятельности.

Проведение в рамках дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости судебных экспертиз, требующих специальных познаний в области именно оценочной, а не строительной или землеустроительной деятельности, предписано судам и пунктом 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 30.06.2015 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости».

Так, Пленум ВС РФ указал: с учетом того, что результатом оценки является стоимость, определенная в отчете об оценке, экспертиза должна быть направлена на установление рыночной стоимости объекта недвижимости и включать проверку отчета на соответствие требованиям законодательства об оценочной деятельности (ст. 12, 13 Закона об оценочной деятельности).

Суд может поставить перед экспертом вопрос об установлении рыночной стоимости, а также о том, допущено ли оценщиком нарушение требований федеральных стандартов оценки, предъявляемых к форме и содержанию отчета, к описанию объекта оценки, к методам расчета рыночной стоимости конкретного объекта оценки, и иные нарушения, которые могли повлиять на определение итоговой величины рыночной стоимости, в том числе правильно ли определены факторы, влияющие на стоимость объекта недвижимости, допускались ли ошибки при выполнении математических действий, является ли информация, использованная оценщиком, достоверной, достаточной, проверяемой.

Таким образом, с учетом системного толкования норм права в области экспертной деятельности, назначение в ходе рассмотрения дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости строительно-технических и землеустроительных экспертиз в целях определения рыночной стоимости объектов недвижимости и поручение их проведения лицам, имеющим высшее образование в области строительства и землеустройства, является некорректным.

Возможно, что отдельные строительно-технические и землеустроительные вопросы могут требовать своего разрешения и в ходе рассмотрения дел таких категорий, однако представляется, что они могут быть только составной частью сложных комплексных экспертиз, и в этом случае они должны назначаться для проведения государственным судебно-экспертным организациям.

К тому же порядок оспаривания кадастровой стоимости земельных участков и иных объектов недвижимости, как отмечалось выше, установлен специальными нормами, содержащимися в статьях 24.18 № 135-ФЗ от 29.07.1998 г. «О государственной кадастровой оценке», ст. 22, 22.1 № 237-ФЗ от 03.08.2016 г. «О государственной кадастровой оценке». Однако, в соответствии с законоположениями, до настоящего времени не внесены какие-либо изменения в связи с принятием последней редакции Федерального закона от 31.05.2011 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». С учетом изложенного само по себе указание в распорядительном акте Правительства РФ от 16.11.2021 г. наименования одного из разделов как «Судебной экспертизы по определению рыночной стоимости недвижимого имущества и объектов землеустройства в рамках кадастровой стоимости или установления кадастровой стоимости» при одновремен-

ном указании в этом же разделе на виды экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, не является безусловным основанием для поручения производства оценочных экспертиз указанным организациям.

Вызывает сомнение также и правомерность утверждения правительством страны перечня экспертиз (проводимых исключительно государственными судебно-экспертными учреждениями) путем издания распоряжения.

В соответствии со ст. 5 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве РФ», акты Правительства РФ, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений правительства. Акты Правительства РФ по оперативным и другим текущим вопросам, не имеющие нормативного характера, издаются в форме распоряжений правительства.

С учетом того, что содержание Перечня имеет нормативный характер, поскольку рассчитано на его применение неопределенным кругом лиц, его утверждение распоряжением правительства, очевидно, противоречит Федеральному конституционному закону «О Правительстве РФ».

Нормы о форме правовых актов органов исполнительной власти содержатся и в подзаконных актах. В частности, согласно п. 7 Приказа Минюста России от 23.04.2020 г. № 105 «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации», нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Акты, изданные в ином виде, не должны содержать предписания нормативно-правового характера.

Согласно п. 9 того же приказа, государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, имеющие межведомственный характер, то есть содержащие правовые нормы, обязательные для других федеральных органов исполнительной власти и (или) организаций, не входящих в систему федерального органа исполнительной власти, издавшего нормативный правовой акт.

Таким образом, с учетом системности российского законодательства распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 г. № 3214-р не исключает возможности судов назначать судебно-оценочные экспертизы при рассмотрении дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости и подлежит в перспективе осмыслению в контексте правоприменительной практики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета, 25.12.1993 г.
2. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Российская газета. № 251. 09.11.2020.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. № 137. 27.07.2002.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. № 220. 20.11.2002.

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Российская газета. № 49. 11.03.2015.
6. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. № 106. 05.06.2001.
7. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // Российская газета. № 146. 06.07.2016.
8. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ // Российская газета. № 148–149. 06.08.1998.
9. Федеральный Закон о 18 июня 2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве» // Российская газета. № 118–119. 23.06.2001.
10. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Российская газета. № 24. 06.02.2013.
11. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 16.05.2012 № 550-н «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей специалистов, осуществляющих работы в области судебной экспертизы» // Российская газета. № 165. 20.07.2012.
12. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней направлений подготовки высшего образования» // Российская газета. № 247. 01.11.2013.
13. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23.04.2008 г. № 188 «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ». № 6. 2008.
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // Российская газета. № 150. 10.07.2015.
15. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 сентября 2020 г. по делу №А40-17687/2020.
16. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 30 ноября 2020 г. по делу №А43-42058/2019.
17. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 мая 2020 г. по делу №А32-49343/2017.

REFERENCES

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12 dekabrya 1993 g. // Rossijskaya gazeta, 25.12.1993 g.

2. Federal'ny`j konstitucionny`j zakon ot 6 noyabrya 2020 g. № 4-FKZ «O Pravitel'stve Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. № 251. 09.11.2020.
3. Arbitrazhny`j processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ // Rossijskaya gazeta. № 137. 27.07.2002.
4. Grazhdanskij processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ // Rossijskaya gazeta. № 220. 20.11.2002.
5. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 8 marta 2015 g. № 21-FZ // Rossijskaya gazeta. № 49. 11.03.2015.
6. Federal'ny`j zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ «O gosudarstvennojsudebno-e`kspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. № 106. 05.06.2001.
7. Federal'ny`j zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 237-FZ «O gosudarstvennoj kadastrovoj ocenke» // Rossijskaya gazeta. № 146. 06.07.2016.
8. Federal'ny`j zakon «Ob ocenochnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» ot 29 iyulya 1998 g. № 135-FZ // Rossijskaya gazeta. № 148–149. 06.08.1998.
9. Federal'ny`j Zakon o 18 iyunya 2001 № 78-FZ «O zemleustrojstve» // Rossijskaya gazeta. № 118–119. 23.06.2001.
10. Prikaz Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii ot 27 dekabrya 2012 g. № 237 «Ob utverzhdenii perechnya rodov (vidov) sudebny`x e`kspertiz, vy`polnyaemy`x v federal'ny`x byudzhetny`x sudebno-e`kspertny`x uchrezhdeniyax Minyusta Rossii, i perechnya e`kspertny`x special'nostej, po kotory`m predostavlyayetsya pravo samostoyatel'nogo proizvodstva sudebny`x e`kspertiz v federal'ny`x byudzhetny`x sudebno-e`kspertny`x uchrezhdeniyax Minyusta Rossii» // Rossijskaya gazeta. № 24. 06.02.2013.
11. Prikaz Ministerstva zdravooxraneniya i social'nogo razvitiya Rossijskoj Federacii ot 16.05.2012 № 550-n «Ob utverzhdenii edinogo kvalifikacionnogo spravochnika dolzhnostej rukovoditelej, specialistov i sluzhashhix, razdel «Kvalifikacionny`e xarakteristiki dolzhnostej specialistov, osushhestvlyayushhix raboty` v oblasti sudebnoj e`kspertizy`» // Rossijskaya gazeta. № 165. 20.07.2012.
12. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 12 sentyabrya 2013 g. № 1061 «Ob utverzhdenii perechnej napravlenij podgotovki vy`sshego obrazovaniya» // Rossijskaya gazeta. № 247. 01.11.2013.
13. Prikaz Ministerstva zdravooxraneniya i social'nogo razvitiya RF ot 23.04.2008 g. № 188 «Ob utverzhdenii Edinogo kvalifikacionnogo spravochnika dolzhnostej rukovoditelej, specialistov i sluzhashhix // Byulleten` trudovogo i social'nogo zakonodatel'stva RF». № 6. 2008.
14. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30.06.2015 № 28 «O nekotory`x voprosax, vznikayushhix pri rassmotrenii sudami del ob osparivanii rezul'tatov opredeleniya kadastrovoj stoimosti ob`ektov nedvizhimosti» // Rossijskaya gazeta. № 150. 10.07.2015.
15. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy` ot 25 sentyabrya 2020 g. po delu №A40–17687/2020.
16. Postanovlenie Pervogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 30 noyabrya 2020 g. po delu №A43–42058/2019.
17. Postanovlenie Pyatnadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 29 maya 2020 g. po delu №A32–49343/2017.

Klimenko I. V.,

*Director General, Autonomous Noncommercial Organization «Court Expert Bureau»,
Vice-President, Self-Regulatory Organization “Federation of Expert Determiners Union»,
Rostov-on-Don, Russia*

Syachina Ye. B.,

legal practitioner in civil law relations, Rostov-on-Don, Russia

Sergienko R. I.,

lawyer, Rostov-on-Don, Russia

ON SOME INCONSISTENCIES IN PUBLIC AUTHORITIES' LEGAL REGULATION
OF THE ACTIVITIES OF COURT EXPERTS IN THE CONSIDERATION OF CASES
ON CONTESTING THE RESULTS OF CADASTRAL VALUE ESTABLISHMENT

This article explores an exemplary collision in the government control over valuation activities. In particular, the authors justify the necessity of an all-round analysis of a possibility to implement the Russian Federation Government Decree dated 16.11.2021 No 3214-p “On the Approval of the List of the Types of Those Legal Enquiries Conducted Solely by the Governmental Court-and-Expert Organizations” in litigation practices. Based on the paradigm of separating the competencies of different branches of power (executive, court, legislative) contained in the Constitution of the Russian Federation, the authors demonstrate that the decisions of the executive power in Russia at times intrude in the legal suit area which is beyond its control. The ways out of such collusive crises are seen by the authors in the improvement of the legislative framework upon which expert valuation activities are based, yet necessarily in line with the existing norm-setting seniority system.

Key words: assessment of property; valuation activities; self-regulatory organizations; expert valuation activities control; law enforcement collision.

Услуги, предоставляемые редакцией на платной основе (по запросу автора)

- обработка статьи в соответствии с редакционными требованиями (включая подбор УДК);
- редакторские услуги (литературная правка текста статьи);
- корректорская вычитка текста статьи;
- приведение библиографического списка статьи в соответствие с действующими издательскими стандартами;
- подготовка аннотации, ключевых слов, оформление титульной страницы статьи на русском и английском языках;
- текст рецензии на статью в электронном виде;
- авторское свидетельство о публикации статьи;
- печатный экземпляр издания.

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 52–56, пом. 22.

Тел.: 8 (863) 241-37-43, 246-08-68.

E-mail: sputnik-nauki@yandex.ru, <https://sputnik-nauki.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер: Эл №ФС77-81697 от 19.08.2021 г.

ISSN 2782-5647. Выходит ежеквартально.

Главный редактор — Д. В. Нефёдов.

Корректор — П. В. Багров.

Дизайн-модель издания — © Д. В. Нефёдов

Верстка — издательство «Профпресслит», www.profpreslit.ru

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Профпресслит».

Сдано в набор 27.01.2022. Подписано в печать 31.01.2022. Формат 64x80/8.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro.

Усл. печ. л. 9,5. Тираж 200 экз.

Любая перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций